

АЛЕКСАНДР КЕРДАН

**В СТРОЮ
БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА**

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Издательство «АсПУр»
Екатеринбург
2018

ББК 84(2Рос-Рус)6-5
К36

Кердан А.Б.

К36 В строю Бессмертного полка: Стихотворения и поэмы. – Екатеринбург: Изд-во «АсПУр», 2018. – 260 с.

ISBN 978-5-904900-33-5

В новую книгу известного российского поэта Александра Кердана вошли избранные стихотворения и поэмы, посвященные защитникам Отечества. Герои Кердана – солдаты и офицеры Великой Отечественной войны: от маршала Победы Г. К. Жукова до рядового пехотинца, «стирающего портянки в Шпрее», наследники поколения победителей – воины советской и российской армии, честно выполняющие свой долг там, где прикажет Родина, и, конечно, женщины: матери, жёны, невесты и сёстры, провожающие мужчин на ратный подвиг и верно ждущие их возвращения. Но главной героиней лирики поэта, знающего о воинской жизни не по наслышке, была и остаётся Россия, во имя которой совершаются подвиги, пишутся песни и стихи, исповедующие вечные, обновляемые поэзией каждой эпохи ценности: мужество, совесть, честь, верность долгу, любовь к матери, к женщине, к родной земле. Книга пронизана тревогой о настоящем и будущем нашего Отечества.

ББК 84(2Рос-Рус)6-5

ISBN 978-5-904900-33-5

© Кердан А. Б., 2018
© Шангина С. В., дизайн, 2018
© Издательство «АсПУр», 2018

СОЛДАТ ОБЫКНОВЕННЫЙ

БАЛЛАДА О СЫНОВЬЯХ

На завалинке старуха,
С нею – дед.
На двоих почти им
Двести лет.
У старухи на коленях –
Кот клубком.
И сидят старуха с дедом
Ря-
дыш-
ком.

А в избе герань
Алеет на окне,
Фотографии теснятся
На стене.
Все солдаты,
Все похожие с лица...
Восемь было их у мамы
И отца.
Три войны прошёл старик –
И сам живой.
А вот дети не вернулись
домой –
С той последней,
Самой страшной, мировой.

У избушки – две берёзы,
Два ствола.
Облетела, поосыпалась
Листва.
Все глядит на них
Старуха,
Смотрит дед:
Два ствола стоят живые –
Листьев нет.

1983

РЯДОВОЙ

Ах, как земляца неровна...
Неровности земляцы
Любить заставила война,
Чтоб мог солдат укрыться.

Любая ямка, бугорок –
Спасение от пули.
И, крепко заучив урок,
Солдат живым остаться смог
В сорок втором, в июле.

Вжимался плотно в землю он,
Мечтая слиться с нею.
И был Победой награждён –
Стирал портянки в Шпрее.

И вот – землёй навеки стал,
Привнёс в родной суглинок
Своих осколков драгметалл,
Полученный в Берлине.

Да прах, что прорастёт травой,
Да память, что нетленна...
Итог, как будто рядовой,
В судьбе обыкновенной.

2009

* * *

Шло партийное собрание
в каземате.
Три патрона оставалось
в автомате.
Две винтовки со штыками
И граната –
Всё оружие гарнизона...
Три солдата
До собрания
Две атаки отразили...
«До конца стоять!» – постановили.
«До победы бить врага,
До тишины!..»
Продолжался
первый день войны.

1982

ЕГО УНИВЕРСИТЕТЫ

Он не был от рождения солдатом
И не сказать, что был таким уж смелым...
Он изучал латынь по медсанбатам,
А геометрию – по секторам обстрела.

На сапоги наматывая тропы,
Вжимаясь животом в песок и камень,
Познал он географию Европы
И все травинки выучил на память.

Пусть чёрный ворон над окопом каркал,
Он осознать сумел законы света...
Он победил, он встал над Трештов-парком,
Хоть сам и не успел узнать об этом.

2008

МУРАВЕЙ

Герой безвестный – муравей.
Сквозь травяную чащу
Себя в три раза тяжелей
Соломинку он тащит.
Согнулся и, должно быть, взмок
От перегрузки адской...
Но тащит –
Выполняет долг,
Без жалоб, по-солдатски.

1984

СОЛДАТИК

Он в атаку был поднят нещадно,
Он вперёд был обязан пойти
Этим утром, сырым и прохладным...
Дот стоял у него на пути.

А в том доте вражина холёный,
Выпил кофе, к прикладу припал –
Стеганул по равнине зелёной
И солдатику в сердце попал.

Как подкошенный – в мяту и клевер
Он, не видя уже ничего, –
Пал ничком, и наколочка «Север»
На руке остывала его...

И слезинка скатилась из глаза,
А рука всё сжимала цевьё
«Трёхлинейки», которая сразу
Потеряла значенье своё.

2013

* * *

В только что захваченной траншее
Старшина раздал боезапас...
Ты сидишь с повязкою на шее,
Ты живым остался в этот раз.

Как стервятник кружит в небе «рама»,
Тявкает немецкий пулемёт...
Пьёшь свои положенные граммы
И не знаешь, что наутро ждёт.

Может, пуля-дура, как хозяйка,
В грудь ударит жёстко, на убой,
И твою наркомовскую пайку
Будет так же молча пить другой.

Или, может, оберегом древним
Отведёт судьба на фронте смерть,
Начертав потом в родной деревне
От горячки белой умереть...

2010

БАБУШКА АНЯ

Маленькая – мужику по пояс,
Как попала в санитарный поезд?
В толк никак я это не возьму:
Как вообще призвали на войну...
Как смогла всю жизнь служить «сестрицей»,
День за днём всё больше становиться
Образом той самой доброты,
Что сияет нам из темноты,
Будто бы лицо самой России,
Что готова сотни бед осилить,
Даже и в сырую землю лечь:
Мир спасти – себя не уберечь...

2010

ПОЕДИНОК

(рассказ попутчика)

Не по пьянке или капризу,
Не подверженный наркоте,
Ветеран расстрелял телевизор
Из испытанного ТэТэ.

Приструнить подлецов не властен,
Но, хотя бы в своём доме,
Память прошлого рвать на части
Не позволит он никому.

И надел он пиджак парадный,
Где три ордена Славы – в ряд,
И прицелился аккуратно
В изрекающий ложь квадрат.

Всей неправде бросая вызов,
Сделал он всё, что сделать смог:
Восемь выстрелов – в телевизор,
И последнюю пулю – в висок.

2008

* * *

Под Ленинградом уцелел,
Но старость – враг неумолимый...
Ко мне на лавочку подсел:
– Глоток пивка оставь, родимый...

И пиво, сваренное там,
Где он фашизм сверг с пьедестала,
Стекало по его усам –
В рот даже капли не попало...

1996

ОРДЕН

Вырванный из мрамора надгробья
Под Газни убитого мальчишки,
Он из под полы на чёрном рынке
Был за «стольник» куплен знатоком.
И в большой коллекции случайно
Занял место рядышком с медалью
«За освобождение Варшавы».
Под которой дед мальчишки
Пал...

1990

ПОБЕДИТЕЛЬ

Я убит подо Ржевом...

А.Твардовский

Я убит сегодня под Славянском,
Защищая город наш родной.
Я лежу с герогиевским бантом –
Небеса сквозные надо мной.

Где-то громыхают бэтээры,
Грохают разрывы вдалеке,
И звучат команды офицеров
На чужом, шипящем языке.

Топают наёмная пехота,
Воровски косясь по сторонам...
А подмога задержалась что-то,
Не пришёл никто на помощь нам.

Будто бы в каком-то сне нелепом
Вся эпоха повернула вспять!
Чтобы жили вы под русским небом,
Должен был я здесь сегодня встать

И свой смертный час принять солдатом,
Ведь не зря же на былой войне
Дед мой на рейхстаге в сорок пятом
Вывел имя, что досталось мне.

2014

* * *

Живым – живое. Павшим – третий тост
И память, за которую не стыдно...
На обелисках светит столько звёзд,
Что в русском небе звёзд почти не видно.

1998

* * *

Был сорок первый год и сорок пятый.
Герои – на висках сражений дым –
Живые, вы теперь – отцы солдатам,
А я – ровесник павшим, молодым.
И на пути сегодняшнем, неблизком,
Во время кратких, придорожных встреч,
Глядят мне в душу звёзды обелисков
И заклинают этот мир сберечь.

1985

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Смерть на войне как будто и не смерть:
Любой на фронте может быть убитым
Иль лаврами победными увитым,
Чтоб после всё равно в земле истлеть.

Совсем иное, если в мирный день
Кирпич тебе на голову сорвётся,
Иль свалишься ты сам на дно колодца –
Начнут судачить все, кому не лень.

А смерть всё та же – в саване, с косой,
Курносая, с глазами пустыми...
Да, на миру – красна! А вдруг в пустыне
Придёт к тебе старухой босой?

Тогда, солдат ты или не солдат,
Но вступишь с ней в последнее сраженье...
Закончить путь земной без униженья –
Не лучшая ли из земных наград?

Тем паче, все там будем в свой черёд...
Так что же сокрушаться о всеобщем?
Ум понимает всё, а сердце ропщет
И никогда не примет, не поймёт,

Коль ты забудешь непреложный факт:
Наедине со смертью каждый – воин,
Но только тот сочувствия достоин,
Кто честно жил – и умирает так...

2016

НЕОТЛОЖКА

На личном фронте перемены –
Я чувствую мизинцы ног...
Мои артерии и вены,
Как ленты фронтовых дорог,
Все в тромбах...

И, многострадальный,
И – пленник их, и их конвой,
Лежу в палате госпитальной,
Как будто на передовой –
В окопе – взводный из штрафбата,
Что полон невесёлых дум:
И самому подняться надо,
И повести других на штурм...

2016

ВЕТЕРАН

*Стоит на пьедестале
Бывалый самолёт...*

Ф. Чуев

Сверкая огнём и металлом,
Уходят машины в полёт.
И смотрит на них с пьедестала
Невзрачный на вид самолёт.

Израненный в битвах великих,
Стоит ветеран на посту,
И крыльями юные «миги»
Качают ему на лету.

1984

* * *

Вижу цель как на ладони.
Круг мишенный подо мной.
На далёком полигоне
И в мороз,
И в летний зной,
В день весенний,
В день осенний,
Ремонтирует мишени
Старый мастер Чепурной.
Летом здесь кругом – болота,
А зимой – по грудь снега.
Поражаем с разворота
Мы мишени, как врага.
Чепурной посмотрит, скажет:
– Лупят лёгчики на «пять»! –
И пойдёт мишени наши
Ремонтировать опять.
Он-то знает ведь, как важно
Научиться воевать,
Чтобы стать сильнее смерти,
Чтоб противник битым был...
Сам крещение в сорок третьем
Он под Курском получил.

1982

ВОЙНА

(из поэмы «Сибирский тракт»)

Тракт один.
Но ведь два же конца у него.
К правде ты держишь путь иль за правду...
Если враг у порога, то не до того,
Чтоб в истории делать поправку.
...Вдоль Сибирского тракта
Спешил эшелон.
И теплушки старались
В затылок держаться...
Мамин брат в сорок третьем
Поехал на фронт –
За родимую землю сражаться!
Ехал дядя на фронт,
Чтобы кровушкой смыть
Тень вины, за которую он
Не в ответе!
Два у тракта конца.
На одном – право жить.
На другом – над могилами
Кружится ветер.
Два у тракта конца.
Не сойти не свернуть.
Не предать и не вспомнить
Былые обиды!
И, наверно, не страшно
Под пули шагнуть,
Если правда и жизнь
Во единое слиты.

1987

АТАКА

От бруствера рукою оттолкнулся –
И тут был остановлен пулей злой.
Ещё команде вслед солдат качнулся –
И рухнул навзничь в свой окоп сырой.
А цепь сомкнулась.

Цепь вперёд катилась
Полк шёл на штурм, хрипя своё:
«У-ра-а!»

Под пулями к окопу торопилась
Ненужная солдату медсестра.
Он остывал уже.

Всё глуше, глуше
Шум боя долетал издалека...
Припал к земле солдат – так,
словно слушал,
Как сам идёт на штурм в цепи полка.

1987

ПАРТИЗАНСКАЯ БЕРЁЗА

Партизан к берёзе на рассвете
Выводили, завязав глаза.
Очевидно, и в минуты эти
Всё ж враги боялись партизан.

Пули злобно их сердца крошили
И в стволы вбивали на века...
Потому у всех берёз России
Так кора нежна и так горька.

1983

УРОК

Победный день оркестров гром венчал...
Мальчишкой, в истоптанных сандалях,
Я по отцовским фронтовым медалям
Устройство всей Европы изучал.

Чтоб лет, так скажем, через пятьдесят
Оставить в назидание потомкам
Империю распавшейся осколки,
Что на чужих медалях заблестят...

2002

* * *

Ждала с войны,
а он вернулся
совсем не тем,
кого ждала...
Стонал во сне.
Потом проснулся
и попросил,
чтоб налила.
Пил в одиночку,
взгляд тяжёлый
оставив в тёмное окно.
Потом повёл сынишку в школу,
мол, уж поднялся всё равно.
Вернулся к вечеру.
Голодный.
Пил в одиночку.
Лёг.
Уснул.
Пиджак –
в карман рукав свободный –
она повесила на стул.
Достала письма из комода.
Те, что он ей с войны писал,
и тихо плакала на кухне,
что дождалась
да не того...

2004

ВАСИЛИЮ ИВАНОВИЧУ

Ты умер в первый день зимы,
Мой дядя – самых честных правил.
И память странную оставил,
Чтобы сильнее скучали мы.

Ты был полковник, а на деле –
Пацан, ходячий анекдот,
Протяжный, будто свист метели,
Что расходилась у ворот.

На небе звёзды потускнели...
Там, видимо, чины не в счёт.
В колючей старенькой шинели
Тебя в свой строй зима берёт.

2007

У КАРТИНЫ К. ВАСИЛЬЕВА «ОЖИДАНИЕ»

Продышала –
Лёд сошёл с окна.
Только руки холоднее льда.
Милого её взяла война –
Не вернётся в дом он
Никогда.
Сваталось немало женихов,
Убеждали бабы: жизнь одна...
А дорога – вьётся далеко,
И пустынна столько лет она.
Женщина не плачет,
Просто ждёт.
Снег лежит нетронут
У крыльца.
Ждёт, покуда не затянет
Лёд
Навсегда от нас
Её лица.

1989

НЕЗАБУДКИ

А рядом с окопом цветут незабудки...

Н. Домовитов

Кто-то память о прошлом похоронил –

Жить, наверное, легче,

когда беспамятен...

Но цветут незабудки на кромках могил

Безымянных,

Как главный и искренний

Памятник.

Значит, помнит земля,

Не забыла она

Всех, кто – в ней,

Кто по ней ещё ходит израненный...

Вновь цветут незабудки

И снова – весна,

Словно символ

Победы.

Единственный.

Правильный.

...И когда он наступит,

Черёд мой уйти,

И рванёт моё сердце

Последней гранатой,

Незабудкою мне бы суметь прорасти

Рядом с вами, отцы.

Рядом с вами, ребята...

2004

ПАМЯТЬ

*Но забыть не можем капитана,
Так и не узнавшего любви!*

В. Станцев

Грудью, как разлука острой,
Прикоснулась ты ко мне...

Целовали так медсестры –
Раненых на той войне.

Целовали,

видно, знали,

Что солдатик – не жилец.

Целовали, не желали

Ни венчанья, ни колец.

Только жалость, только нежность –
Ничему не быть потом!

Бинт, как поле белоснежный,
Целомудренный, безгрешный –
Бурым сделался бинтом...

Смерть стирает все лобзанья,
Все признания в любви,
Только миг для обещанья –
Помнить тех, что не смогли
Ни влюбиться,
ни жениться...

Неужели потому
Поцелуй мне этот снится,
Предназначенный ему?

2009

МАМЕНЬКИН СЫНОК

Он редко ходит на могилу.
Когда ж придёт, стоит понуро,
Как будто не осталось силы,
И – с мамой, под землёю бурой, –
Покоится бывшая смелость,
Что некогда водила в бой...
Теперь не знает он, что делать,
Сыночек маменькин седой...

С войны вернулся он героем,
Героем не сумел остаться...
Не то, чтобы ушёл в запой он,
Но просто в жизни потеряться...

И неприкаянный стоит он –
Струится благодать лучисто...
Как будто в горенке помытой,
На небесах светло и чисто...

2009

НАКАНУНЕ ДНЯ ПОБЕДЫ

Ветер рано разорвал зарю –
На бинты небесные смотрю:
Алые полосы в вышине
Меркнут, словно память о войне.
Гаснут, но прекрасней всех салютов
Вспыхивают звёзды...

Так, как будто

Самокрутки раскурили те,
Кто навек остался в темноте
И уже не сможет к нам вернуться,
К тихому рассвету прикоснуться...

Скоро солнце ярко полыхнёт,
Точно орден всем, кто не придёт...

2009

СТАРЫЙ СОЛДАТ

Сбежать из жизни вдруг, до срока,
Как с поля боя дезертир,
Не позволяют честь,

мундир...

И пусть твой полк разбит жестоко,
И помощи не стоит ждать.
Но нет команды к отступленью,
И ты по своему хотенью
Родную пядь не волен сдать...

И, робким мыслям вопреки,
Ты свой окоп не покидаешь,
И как лимонки кулаки
Всё крепче к сердцу прижимаешь.

2013

НА СМЕРТЬ ДЯДИ ПЕТИ

В Днепропетровске умер дядя,
Мой постаревший идеал...
Он – не наград и славы ради –
За эту землю воевал.
Преподавал и был парторгом,
Познал забвенье и хулу...
А вот теперь в районном морге,
Как каменный, лежит в углу.
Уже не учит, не воюет,
К победам новым не зовёт...
Моя родня о нём горюет
И, поминая, слёзы льёт.
Да я и сам слезою брежу,
И утешенья не найду,
Но в дом его правобережный,
Всё ж на поминки не приду,
Поскольку там сейчас – засада:
Пришли бандеровцы во власть,
Внучата тех, в кого когда-то,
На фронте, он не смог попасть...
И вот теперь войны героя,
Защитника страны своей
Поспешно крышкой закроют,
Упрячут в землю поскорей.
Но справедливость есть на свете,
И тень не заслонит плетень!
Пусть спит спокойно дядя Петя –
Наступит скоро Судный день
Для всех врагов – его и наших,
И для безвольных нас самих,
Легко забывших славу павших,
Приняв безславию живых...

2017

У ПАМЯТНИКА ЖУКОВУ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

У штаба окружного, в коем
Служил он волею судьбы,
Великий маршал, славный воин
Коня вдруг вздёрнул на дыбы.

И смотрит сверху вниз сурово
На город, где когда-то жил.
А рядом – улица Бажова:
С Бажовым крепко он дружил.

Два знаменитых человека
Сошлись, почували родство...
Дом на углу, где с барельефа
Сказитель смотрит на него,

На полководца и героя,
Что всем героям был пример...
Пришло на ум: у каждой Трои
Всегда найдётся свой Гомер.

Чтоб подвиг избежал забвенья,
Остался памятен в веках...
Быть может, это утвержденье
Прочёл у маршала в очах?

Да, летописец – тоже воин
И полководец звонких слов...
В одном строю навеки двое –
И маршал Жуков, и Бажов.

2018

Я УШЁЛ НА ВОЕННУЮ ДОРОГУ

(из *Марии Вагатовой*)

Посвящается не вернувшимся с войны

На военную дорогу становлюсь, моя жена,
Дом родимый в Осьоланге оставляю на тебя.
Сына моего Екора будешь ты теперь одна
В нем растить, моя подруга, за двоих его любя.

Может, молодость, здоровье потеряю я в бою...
Ты запомни это слово – мой тебе святой наказ!
Кровь горячую до капли отдаю тебе свою,
Свое сердце оставляю я тебе, жена, сейчас.

Чтоб другого не искала, если в дом я не вернусь,
Чтоб Екора воспитала возле отчего огня...
Пусть растет мой сын мужчиной, человеком станет пусть
И пути мои земные дошагает за меня.

Ты отдай тугой мой пояс – он ему придётся в пору:
Будет зверя, будет рыбу по-отцовски добывать,
Чтобы в доме в Осьоланге без добычи и с укором
Ни зимой, ни жарким летом не встречала сына мать.

2010

СОЛДАТ ИЗ КАМНЯ

(из Марии Вагатовой)

Для солдата из гранита стало солнышко костром.
Голубое небо – крыша.

Лес зелёный – это дом.

Кровь, что вытекла из раны,
Приняла Земля, как мама.
Дух в себя вобрал народ,
Память в сердце сберегая,
От врагов её спасая,
Пусть в веках солдат живёт!

Хоть из камня он, но всё же
Он весне прийти поможет,
Той, что сам когда-то спас...
Непременно лёд растает
И ручьём весёлым станет,
Зазвенит в урочный час.

В этом звоне, в перекатах,
Слышу я слова солдата,
Несказанные слова:
– Будьте на меня похожи,
Вы ведь все солдаты тоже...
Жизнь прекрасна, жизнь права!

Не жалеете сердца силы
Для Земли родной и милой,
Для своих родных людей.
Даже если вас не станет,
Вас Земля добром помянет,
Сыновей и дочерей.

Пусть Земля залита кровью,
Человек живёт любовью,
В ней бессмертным может стать...
Зацветут цветы, и снова
Жизнь, что кажется суровой,
Будет праздником дышать.

Пусть растут спокойно дети,
Мой народ живёт на свете,
Мне определивший век,
Равный возрасту гранита,
Что стоит, ветрам открытый,
На виду стоит у всех...

Для солдата из гранита стало солнышко костром.
Голубое небо – крыша.

Лес зелёный, это – дом.

Но под каменной бронёю бьётся сердце у него,
Что сияет ярче солнца для народа моего.

2010

* * *

Есть у победы правота отмщенья
Врагу, что по заслугам получил.
И всё же ты готов просить прощенье
У запредельных, самых высших сил
За то, что враг повержен и унижен,
Что победил ты в схватке, что – живой...
За то, что мир стал на мгновенье ближе
К началу новой, третьей, мировой...

2012

КРАСНЫЙ КОМАНДИР

Памятник красному командиру,
Может, из бывших, а впрочем – Бог весть...
Бронзовый отблеск на сером мундире,
В бронзовом взгляде застывшая честь.

У постамента цветущие розы
Скоро увянут, как память о нём...
Если бы не был отлит он из бронзы,
Был бы расстрелян в тридцать седьмом.

1988

ПОКА ЖИВЁМ

Поэту-фронтовику А.Н. Маурову

Понимая, что не лето,
Что судьба идёт по следу,
Что у жизни есть предел...
Хорошо – забыть об этом,
Просто жить на свете белом,
Даже если он не бел.

Сыплет ли природа градом,
Умывает ли дождём,
Мрак со светом ходят рядом,
И находит грусть отраду
В том, в чём надо,
в чём не надо –
До тех пор, пока живём.

2001

ДЕВЯТОЕ МАЯ ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТОГО...

Александру Тульникову

Шли они по улицам колонной,
Ордена горели на груди.
Алые победные знамёна,
Мерно колыхались впереди.

Заглушая медный гул оркестра,
Вдов согбенных приглушённый стон,
Плыл над ними благовест чудесный –
Их наград чуть слышный перезвон.

...Много после видел я парадов,
Сам во многих свой печатал шаг,
Но не вспомню, сущей правды ради,
Чтобы сердце билось гулко так,

Как тогда, той памятной весной,
После долгих умолчанья лет...
Перезвон качался над страной,
Ослеплял наград лучистый свет.

Их впервые – в праздник разрешённый –
Вынули из-под глухих замков...
Шла в тот день по Родине спасённой
Армия отцов-фронтовиков –

Всех живых и тех, кто не вернулся,
Пав в смертельном яростном бою,
Но сегодня будто бы очнулся
И незримо шествует в строю

Сверстников суровых и красивых –
Впору всех героями назвать!

Чтобы никогда, пока мы живы,
Не забыли, не могли предать

Этот день, когда в расцвете силы,
В блеске славы орденов своих
Шли они, и, замерев, Россия
Через сердце пропускала их.

2016

К НОВЫМ ЕВРОПЕЙЦАМ

Вы теперь говорите иное –
Позабыли какую ценою
В сорок пятом, победной весной
Заплатили, чтоб жить в тишине...
И полезла вся нечисть из схронов,
Развернула нацистов знамёна,
С факелами шагает колонной
Прямо к новой всемирной войне.

Ну, а мы? Изменились мы сами,
И бессильно разводим руками,
Всё талдычим про совесть, про память...
Толерантность... Господь, нас прости!
А случится подняться в атаку,
«Толерантные», сможем без страху,
На груди по-отцовски рубаху
Распластав, до Берлина дойти?..

2018

В РЯДАХ «БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА»

«Бессмертный полк» – из края в край –
Во славу наших предков...
И ты, мой друг, в ряды вставай,
Твой дед служил в разведке.

Мой дядя тоже – боевой,
Брал в сорок пятом Прагу...
С войны пришёл он чуть живой
С медалью «За Отвагу».

А вот знакомый депутат,
Гляди, слуга народа...
Его отец, хоть и солдат,
В РОА служил два года.

А вместе с ним шагает чин,
Чей дед был полицаем...
Мы среди множества личин
Врагов не различаем.

Несём портреты дорогих
Родителей и дедов,
Уже не видя тех, других,
Кто отдалял Победу.

Их отпрыски теперь во власть
Прошли, и, коли мода,
Спешат в ряды «полка» попасть,
Встать впереди народа.

Мол, тоже «свой» я человек,
И есть мне, чем гордиться!
Но в генах каждого навек
Предательство таится.

И потому, мой друг, гляди
В строю полка святого,
Кто там шагает впереди
И кто предаст нас снова.

2018

У ПАМЯТНОЙ ДОСКИ СТАНЦЕВУ

«Я был мальчишка – не спасибо...» –
Так мой учитель написал
Сам о себе. Он был и выбыл,
И, выбыв, вечной быльёю стал.

А я – давно во взрослой лиге,
Ещё – не выбыл и – не былъ,
Ладонью бережно, как с книги,
С гранита смахиваю пыль,

Чтоб профиль стал видней знакомый...
И, проходя сто раз на дню
Здесь, у писательского дома,
Ему «спасибо» говорю

За право быть в строю солдатском,
Наследовать фронтовику,
И забываю вдруг, что – в штатском:
Рука всё тянется к виску.

2017

ПОСЛЕДНИЙ КОМИССАР

Поэма лирических отступлений

Поэму написал я без сюжета,
Где действие закручено в спираль...
О чем она?
Да так, о том, об этом...
О том, чего мне жаль, чего – не жаль.
Смешались в ней мечты, воспоминанья,
Игра воображенья, предсказанья –
Все то, что есть игра на-

и-
ти-
я.

Но, истинно, писал не по заданью
И только то, что сам задумал я!
А если отошёл вдруг от устава
И съехал в рассужденьях влево, вправо,
Читающая публика простит...
А не простит (она имеет право!) –
Надежда есть: мой прах покроет слава.
(Ушедших славить на Руси в чести).
Но я в себе не эту блажь лелею...
Быть может, нежною рукой твоею,
Любовь, вдруг прикоснется бытие
К строкам моим,
Когда сам не сумею
Тебе прочесть творение моё.
И ты, без сожаленья, без досады,
Поэмы главы пробегая взглядом,
В своей, мне недоступной, тишине
С улыбкой, может, вспомнишь обо мне.

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Чёрт догадал родиться комиссаром
Да с сатанинской звездой во лбу...

Ах, Окуджава, со своей гитарой
Вы исковеркали мою судьбу.
Я ваш талант, конечно, уважаю
И пыльный шлем свой не спешу снимать.
Но родина моя, как мать чужая,
Которой – сын я, мне она – не мать!
Но, родина моя, души присягой,
Раз присягнув, тебе не изменял...
А ты меняешь лозунги и флаги
Под улюлюканье мирских менял.
Довольствуешься чёрствую буханкой,
Пьяна извечной собственной виной.
И призраки «единственной гражданской»
Уже маячат за твоей спиной.

О РЕВОЛЮЦИЯХ

Революции сжирают нас,
Как своё потомство скорпионы.
И выводят новых под знамена...
Чтоб Наполеонов пробил час,
Робеспьер послал на казнь Дантона,
Сам же оказался вне закона,
Как враги, поверженные им...
Прав Господь, влекомые идеей,
Душу предаем как иудеи,
И того не знаем, что творим!
Посреди обманчивого света
Мы срываем наши эполеты
Пред последней страшною чертой.
Прав Господь. Но правотою этой
Наша жизнь сегодня не согрета,
Впрочем, как любую правотою.
И, как наши предки, не печалюсь,
Мы в коней стреляем у причалов,
Чтоб во времена иные плыть...
И Россия словно кобылица...
Выстрелить в неё иль застрелиться,
Коль не хватит мужества, чтоб жить?..

* * *

Ещё мы спорим, кто правее правых
И кто левее левых, в аккурат...
И три вождя, как будто змей трёхглавый,
Октябрьский приветствуют парад.
Ещё в костры не побросали книги
О том, что делать нам, куда идти,
И догматизма тяжкие вериги
У тех и этих, до поры, в чести!
И всё ж в умах непониманье зреет:
Куда идём? – Кругом такая грязь...
Обратно? Там орёл двуглавый реет,
Налево и направо обратясь.
Вперёд? А там совсем невероятно:
Уже поднял кулак на брата брат...
Как будто повернули мы обратно,
И путь вперёд – такой же путь назад!
Так как нам быть? Как будем жить мы, если
Во всей вселенной непрерывна связь?..
Ещё мы спорим и стоим на месте,
Налево и направо обратясь.
...Нам дуют ветры то в лицо, то в спину.
Над головою кружит вороньё...
Чем больше топчем мы свою трясины,
Тем глубже погружаемся в неё.

О ПУТЧЕ

Он путч – не путч?.. Да кто тут разберёт!
Когда бы знать всё это наперёд...
А мы, так получилось, что не знали:
Инспекцию из министерства ждали
И жили все как будто на вокзале
Уже недели две, а то и три...
Кто не служил, поймёт меня едва ли,
Каких высоких слов ни говори.
Когда ты от зари и до зари –
На полигоне жарком пропадаешь,

Предвидя: не зачтётся ратный труд –
Портки с тебя и ни за что дерут!
Но повезло... День нашего спасенья,
Как раз – канун. Короче, воскресенье!
А в понедельник, с самого утра,
Шопен – по «Маяку» и по «России»...
Ужель опять преставился мессия,
Ужель опять безвременья пора?
Но о мессии ни единой фразы,
Зато читают новые указы
О том, что можно нам и что вдруг нет...
А части поднимают по приказу,
И по тревоге я спешу чуть свет!
...Спешу и замечаю, между прочим,
Что в городе обычный лад рабочий,
Всем на указы эти наплевать!
Ведь город наш уральский – не столица:
«Макдональдсам», откуда пиву литься
И гамбургеры можно поставлять,
У нас ещё лет двести не бывать...
Поэтому и баррикады нету
У зданья исполкома и Совета.
Лишь по проспекту, меряя шаги,
Два пьяных бомжа носят два плаката
(Хотя между собой и не враги).
Один из них: «К ответу демократов!»
Другой гласит: «Долой ГКЧП!»
Но это всё – районное чэпэ...
И, прежних не прощая им утех,
Наш КГБ мерзавцев не хватает
И в ссылку навсегда не отправляет:
Здесь ссылка – это родина для всех!
А родина не может быть постылой.
Пусть сала на закуску не хватило,
Зато уж водки хватит всем сполна,
Покуда мирный день, а не война.
И даже если громыхнёт Чернобыль...
У нас был собственный, уральской пробы –
Последствие работы «Маяка»...

Здесь все, сказать по правде, мы – мутанты:
Политики, поэты, дилетанты –
Играем роль Ванюшки-дурака.
И если в чём-то окажусь я лжив,
(Хотя давно лукавить разучился),
Во всём повинен тот далёкий взрыв,
Что в год рожденья моего случился!
В год пятьдесят седьмой вернулся я,
Но это нынче тема не моя.
Ведь мой рассказ, как помнится, о путче.
О нём, конечно, помолчать бы лучше:
Какой там путч?! Да вот такой как есть!
По Сеньке шапка, а по шапке – честь...

Я по тревоге прибыл, честь по чести
В штаб части нашей, а со мною вместе
Начальник штаба – Васька Барибан.
Его солдаты звали «Барабаном»
За то, что появлялся утром рано
Всегда в расположение полковом,
И безотказно – и в жару, и в стужу
Служил, в служенье вкладывая душу,
Как барабан в оркестре духовом.
Приветствиями с ним мы обменялись
И тут же в кабинете ждать остались,
Когда нам волю свыше доведут...
Какую? – Призадумаетесь тут.
Но думать – это дело генералов.
И шифрограмма та, что нас «достала»,
Была твореньем одного из них.
Того, что по суворовскому следу
Науку о свершеньях и победах
Сложил и в поучениях своих
Предвосхитил события и даты...
Приказ был крут:
– В грузовиках солдаты
По городу курсируют весь день.
При каждом – автомат, штык-нож и каска.
На перекрёстках – танки для остратки...

В день ясный тень наводят на плетень!
– Ну что, Василь? – спросил я Барибана, –
Неужто нас с тобою, как баранов,
На бойню гонят... или на народ?
– Стрелять в народ я всё равно не стану! –
И я пожал тут руку Барибану:
– И я стрелять не буду, в свой черёд!
– А что же будет, если нам прикажут?
– И трибунал тогда не страшен даже...
Чуть что – на стол начальства рапорта!..
...И я вдруг вспомнил русских офицеров,
Что за царя, Отечество и веру
Всегда стояли...

Но была черта
(Та, за которой вера уж не вера,
Отечество – и то одна химера,
А царь – портрет на выцветшей стене),
Где супротив – не вражьи заставы,
А русский люд – и правый, и неправый.
Стрелять в него?

Нет, это не по мне!..

А кто же будет? –

Подлецы найдутся,
Что все века вылизывают блюда
У сильных мира – подличают всласть!
Вот наш начпо, он выстрелить сумеет...
В кого? Значенья это не имеет:
Не масть определяет смысл, а власть.
Вот за неё и скрещивают копыя...
А наша доля – испокон – холопя:
Чубы трещат не у панов – у нас!
...Три дня мы на «повышенной» сидели
В казарме и в окошечко глядели,
Не выполнив полученный приказ.
Когда же всё в столице прояснили,
Героями трёх павших объявили,
И возвратился перестройки бог,
И от всего на свете открестился,
Начпо наш спохватился, изловчился

И шифрограмму памятную сжёг.
Но, следуя природе, между делом,
Снял копию и в Дом отправил Белый,
Чтобы халифам новым услужить,
Предвидя политорганов крушенье...
Зачлося!

Он пошёл на повышенье.
Иуда жив и вечно будет жить!

НА СМЕРТЬ ПОЭТА

Ах, Юлия Друнина, Юлия Друнина!
Сегодня земля под ногами настроена.
Шагаю – и стонет она под пятой...
В бою рукопашном схватились
Вы с вечностью!
Ах, с вашей ли милой всегдашней
сердечностью
Решиться на бой за последней чертой?
Ах, с вашей ли страстной солдатскою
честностью
Остаться на стыке бесправья
с безвестностью,
Забыв свою юность, друзей имена...
А может быть, вспомнив, в содеянном каяться?
Бояться и в страхе за страх свой отчаяться –
Такая у всех рукопашных цена.
...Луна словно вражий прожектор качается,
Не всякая схватка победой венчается.
Меж нами границей нейтральная мгла,
Где горе людское обманом итожится,
Где паразиты жиреют и множатся,
Где всё продается – хула и хвала.
Но мы ж продаваться совсем не намерены
И, может, поэтому так не уверены
В судьбе тех, кто рядом, и в личной судьбе.
Ах, Друнина Юлия, Друнина Юлия,
Вот так же, как Вы,
в рукопашный смогу ли я?
Ну что мне ответить и Вам, и себе?

Мне довелось родиться комиссаром,
И, верить в Маркса с Энгельсом на пару,
И в массы слово партии нести
До той поры, пока она в чести!
А после – крыть её с таким же жаром,
И партбилет – в кубышку, до поры...
Такие, видно, правила игры.
А я наивно комиссара званье
Всегда считал не службой, а призваньем,
Хотя не разделял, конечно, их...
И утверждал идеи, коим верил,
Пока безверье к нам искало двери
И три марксиста, как в застольях пели,
Ещё соображали на троих...
И я вещал на всех политзанятых,
Что все мы на земле отцовской – братья!
А кто не брат нам, тот себе не брат...
И верил не в Христа и не в Аллаха,
А в жизнь людей, по правде и без страха...
И верно, я в ту пору был богат!
Зачем об этом? – Нет, не ностальгия,
И ты, и я, сегодня мы – другие.
И всё ж не с теми я, кто вечно прав,
На площадях сжигая партбилеты...
И вновь маячит впереди вендетта –
Преддверие вождизма и расправ.

О ПАРТБИЛЕТЕ

Чем похвастаться могу?
Лишь судьбой краснознамённой.
Партбилет, что берегу,
Не подарить и врагу...
Только, выбросив, солгу
Перед жизнью обновлённой.
Сжечь его – не волен я,
Как не волен вновь родиться,

Как не вправе сыновья
Им, хранимым мной, гордиться.
...Отгиск стёртых букв и дат,
Лысый профиль на обложке...
Подевать тебя куда,
В рай мандат и в ад мандат,
В юность – красное окошко?

О ДЕДЕ СМЕТАННИКЕ

Наш дед Сметанник, солнечное детство...
Мы с ним в ту пору жили по соседству.
С кем – дедом или детством? –
С тем и с тем...
Я помню имя, отчество соседа
И кличку, что мальчишки дали деду.
Но прах тревожить именем зачем?

Он слыл довольно странным старикашкой.
Был в белой накрахмаленной рубашке,
На брюках – стрелок острые ножи...
Был увлечён он хатхою-йогой,
Охотой, рыбалкою – немного,
Но не за это кличку заслужил!
Сметанник равнодушен был к футболу,
Но страсть в себе хранил к иному полу,
Совсем забывший про свои лета...
Дружили с ним такие молодайки,
Что – должен я заметить без утайки –
Как на подбор: и стать, и красота...
И дед с такой особой рядом встанет –
Ну, как котяра тянется к сметане...
Вот вам и образ – прозвища секрет.
Так стал у нас «Сметанником» сосед.
Про кличку эту знал старик, конечно,
Но относился к нам вполне сердечно.
Взял даже на охоту как-то раз,
Чтоб загоняли дичь, рюкзак носили...
Меня тогда чуть-чуть не подстрелили,

Но Бог ли, случай – кто-то, в общем, спас!
Сметанник выделял меня...

Наверно,
Я пионером был тогда примерным.
А позже – комсомольцем хоть куда...
А он – партиец. Вот уже и связка!
Картина: Ленин, дети... Эта сказка –
Знамение, но всё же не беда,
Пример для всех грядущих поколений...

Мой дед носил бородку а-ля Ленин,
Но я не помню деда своего.
В Сибирь этапом он ушёл по тракту
За то, что жил трудом и верил в правду, –
О нём не знаю больше ничего!

Сметанник же мне вовсе не был дедом,
И всё же часто, как сосед соседу,
И как опять же ветеран юнцу,
Рассказывал он о былых победах,
О шрамах тех, что мужеству к лицу,
И о себе...

И как ни странно это,
Как ни мотала жизнь меня по свету,
Его рассказы здравствуют во мне!
Знать, впечатленье первое надёжно:
Мне вспомнить то, что помнится, несложно,
Оставшись вдруг с собой наедине.

Сметанника судьба приметна тем,
Что в ней любовь, одна любовь повинна...
Он гимназистом, мальчиком невинным,
Влюбился по уши и насовсем
В учительницу, волею судьбы –
Сторонницу лишь классовой борьбы...
Она его всему и научила
И бомбу самодельную вручила.
И отличился юный боевик,
И поплатился провокатор-шпик!

Партийные Ромео и Джульетта
В гражданский брак вступили в то же лето.
И из эсеров – ведь не дураки –
На пару подались в большевики!
А после – продолжение идиллий –
По очереди в тюрьмы их садили
До самого восстания того,
О коем даже слухи распустили
У нас, что вовсе не было его!
Но слов из песни не изъять декретом...
Итак, пошли они за власть Советов,
Плечом к плечу, после разлучных лет!
Она была его намного старше,
Партстаж опять же...
Реввоенсовет
Её в полку назначил комиссаршей.
Он – под её началом фельдшерил,
Точней, не фельдшерил, а коновалил.
И в бой, конечно, рядышком ходил
И ночевал с женой на сеновале.
Он тела комиссарского желал
И в это тело верил, как в икону...
...Тут вражья артиллерия по склону,
Где штаб их был и тот же сеновал!
И комиссаршу разорвал снаряд...
И может, к счастью,
От любых уклонов
И от этапных горьких эшелонов
Спас косточки, разложенные в ряд...
Сметанник же остался жив случайно.
И жил, но не женился с той поры...
Как миновали деда топоры
Его эпохи – остаётся тайной.
Он умер в возрасте почти ста лет,
Оставив мне престранное наследство:
Не партбилет – охотничий билет
И книгу «Голоданье – суперсредство»...
Я памятью такую дорожу,
Поскольку, пусть неволью, голодаю.

Но хоть охоту с детства уважаю,
Сам на охоту больше не хожу.

И что ещё? – Последний разговор
Наш с дедом, пред моим отъездом в КВАПУ¹
Сметанник произнёс, вдруг снявши шляпу,
Своей судьбе суровый приговор:
– Мы все на белом свете – комиссары,
Полпреды добрых или чёрных сил...
А я, выходит так, партиец старый,
Не знаю, век прожив, кому служил!

* * *

Ещё война к нам не стучится в двери,
Хотя её дыханье всё ясней.
И будущие страшные потери
Уже судьбою видятся моей.
Ведь у соседей – там давно стреляют,
И среди развалин, в зареве огня,
Там ненависть на части разделяет
Не Родину, а самого меня.
И целит в душу, чтобы наповал...
Поскольку я – интернационал!
Так получилось по судьбы капризу,
Что белорусы есть в моей родне.
Но в Минск лететь мне требуется виза,
А кто теперь закажет визу мне?
Есть в жилах и Полтавщины частица
(Но ведь не вся она, а только часть!),
И Украина стала за границей –
На землю предков не смогу попасть!
Осталась Русь одна...

Она лелеет
Всех у груди доверчивой своей...
Но дух погромов чёрным стягом реет
И на земле отеческой моей.
...А я ведь жил, надеялся и верил,

¹Курганское военное авиационное политическое училище.

Что боль и радость – всё приемлю с ней...
Ещё война к нам не стучится в двери,
Хотя её дыхание все ясней.

ОБ УЧИТЕЛЕ ФИЗИКИ

Есть праздник, день особый для меня.
Торжественнее я не знаю дня.
Его всегда среди прочих отличал
И, сам не воевавший, отмечал
Девятое, победное число,
Что в мае человечество спасло
От страха, от увечий и смертей.
А мне ещё дало – учителей!

Один – на фронт мальчишкой убежал.
Другой – в окопе под Москвой лежал...
А третий – подо Мгою воевал
И Совинформбюро критиковал,
За что потом познал лесоповал!
Но был ещё учитель...

Я о нём

Почти забыл на поприще своём,
Ведь он-то – физик сроду, лирик – я,
И физика – планида не моя.
Но вот узнал: девятое число,
То самое, что мир для нас спасло,
Его из этой жизни унесло...
И некролог – сухих десяток строк –
Поведал то, что физик сам не смог.
Что он – солдат великой той войны
И восемь лет не ведал тишины...

...Локтями мерил матушку-Расею,
Под Кенигсбергом дал врагу по шее,
А после полоскал портянки в Шпрее.
На Сахалине табачок курил
И кровь свою пролил за юг Курил...
Тех самых, что почти уже не наши,
Их променять теперь на миску каши,

На дружбу и соседское «банзай»
Готовы мы...

Все, кто не против – за!..

А физик наш об этом не узнает...
Уж год как полновластный он хозяин
Куска земли размером два на метр
На городском разросшемся погосте...
Ученики к нему не ходят в гости.
И счастлив тишину познавший мэтр.

Но и не это даже в сердце – гвоздь
(Поскольку каждый – под Луною – гость).
Меня совсем иное поразило:
Ни разу орденов не нацепил он
И ни моим ровесникам, ни мне
Не вымолвил ни слова о войне...

Как будто знал – признанья бесполезны
Для тех, кто не стоял у края бездны.
Для тех же, кто туда смотрел сквозь страх,
Наверно, правда, проку нет в словах...

О ПОСЛЕДНЕМ КОМИССАРЕ

Вот дослужился – никому не нужен!
Судьба взяла и посадила в лужу –
Вдруг безработным я стал с размаху –
Хоть плачь, хоть смейся, хоть рви рубаху,
Как в бой идущий матрос тельняшку...
Где оступился, в чём дал промашку?
Считал Отчизне себя полезным.
Итог служенья – одни болезни!
А вот машины и дачи нету...
Но к офицерской карьере это
Всё ж отношения не имеет.
А кто имеет? – Тот, кто умеет...
Кто был безмолвен, кто был послушен,
Всегда – при деле, всегда тот нужен!

Забыв про многолетнюю апатию,
По штабу заметалась политбратия.

Язык на плече –
Профессиональный атрибут с шершавой
кожей...

И легче всех тому, кто был – ничем.
Никчемным был и быть иным – не может!
«Тот станет всем»... – «Интернационал»
Так утешал.

И надо же, утешил...

Кто был – ничем, при новой власти стал,
Кем был вчера...

Да, с этим, ставшим, леший!

Я о других, о тех, кто – за кормой,
Кто службы нёс нелёгкую поклажу.
Ведь со своею тощею сумой
Был комиссар и нищим – непроданен...
...Ты сажею не вымажешь его,
Эпоха, и навеки не ославишь
И королём раздетым не представишь,
Как ни крути, полпреда своего!
Поскольку день вчерашний – всё же день,
И полночь нынче – не светлее утра.
И тот, кто тень наводит на плетень,
Тот никогда не поступает мудро.
В колодах судеб жизнь тасует масть,
Но – честен присягающий однажды!
Ведь родина – она одна, как мать.
И это с малолетства знает каждый.
Так не бывает, чтоб в родном дому
Ты сделался не нужен никому!
Быть может, просто мир вокруг завьюжен
И не увидишь дружеской руки...
Я жив ещё! И я кому-то нужен,
Всем собственным сомненьям вопреки.
Я жив ещё, пока душой нестарой
Себя не забываю – комиссаром.
Поскольку все на белом свете мы –
Полпреды двух начал – добра и тьмы.
Служить добру, идти дорогой звёздной –
Всегда – не рано, никогда не поздно.

МОНОЛОГ ЛЕЙТЕНАНТА В ГОСТИНИЦЕ «ИНТУРИСТ»

Вы не сомневайтесь, деньги – честные!
Одолжила мне их впрок война...
За вино и баб плачу я чеками –
Кровью расплачусь потом сполна.
Отпуск мой подходит к завершению,
Деньги мне в Кабуле не нужны...
Завтра – самолёт и возвращение
В жаркие объятия войны.

А пока – официанты крутятся:
Счёт оплачен щедрой рукой...

Но опять в упор стреляет улица
В мой висок, подстриженный такой.
За дувалом, словно в бухгалтерии
Счётами грохочет счетовод –
Выдает зарплату инфантерии,
Не скупясь, душманский пулемёт.

Я врагов тогда накрыл гранатой,
Потому сегодня ем и пью... –
Лейтенант склонил невиноватую
Буйную головушку свою:
– Вы не сомневайтесь, деньги – честные...

1982

ОДНОКАШНИК

Мы вместе поступали в академию:
Я и Валерка – однокашник мой.
Я поступил – по жуткому везению,
Он возвращаться должен был домой.
Обидно! Зарубила медкомиссия.
Хронический бронхит нашли врачи.
Валерка спорил:

– Это же невысказано!

Что за болезнь? Не знаю. Не лечил...
Вот если б оторвало руку, ногу –
Тогда согласен, я не строевой! –
Не убедил...

– Присядем на дорогу, –

Сказал мне друг, поникнув головой.
Я утешал наивными словами:
– Приедешь через годик – повезёт...

Когда он год назад служил в Баграме,
Бронхит его никто не брал в расчёт.

1987

ПОСЛЕДНЕЕ ПРАВО

Пошёл в атаку батальон,
Поднятый красною ракетой,
Чтобы отбить у «духов» склон:
Там – пять ребят, на склоне этом.

Мы знали, что друзьям не встать
Уже вовеки с жёлтой глины.
Но их тела врагу отдать
На растерзанье не могли мы.

Как права их могли лишить
С землёй своей родною слиться?
Землёю стать и вечно быть –
России горькою частицей.

1988

НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ

1

Он привёз с той войны
Шрам от пули из бура,
Орден дальней страны,
Пару грамот ГлавПУРа.
Малярию, невроз,
Обожжённую память...
Впрочем, всё обошлось,
И сегодня он с нами.

Но в бессонную ночь
Всё ж на грани ухода...
И не могут помочь
Доктора и погода.
Мать и слёзы жены...
Видно, нет у солдата
Права – с давней войны
Возвратиться когда-то.

2

Почему я об этом пишу,
Если память не ведает муки
Снов, пришедших в грозу
Канонадой минувшей войны,
И рука автомат в изголовье
Не ищет при звуке
Полуночных шагов, раздирающих
Бинт тишины?

Почему я об этом пишу,
Сохранённый армейской судьбою?
Все мои рапорта разорвал
Поседевший начпо.

Обозвал пацаном, а потом,
Будто споря с собою,
По-мужски, троекратно,
Ещё обложил ни за что...

Я пытался о долге ему
И о помощи братской –
Всё, что мог я тогда
Прочитать и понять из газет...
Мол, какой я солдат,
Если жизни не видел
Солдатской,
И под пулями не был?
Но вот что услышал в ответ:
– Ты расти сыновей, капитан!
А сраженья на век твой
Найдутся.
Старший мой там погиб,
А вот также просился туда...

Почему я об этом пишу?
Потому что не в силах
Вернуться
С той войны, на которой
Не буду убит никогда.

1990

ВЗГЛЯД ИЗ СОЮЗА

Дорогою не гладкой,
Не прямой –
И всё при них:
И шрамы, и медали, –
Солдаты возвращаются домой.
А лучше б вообще
Не уезжали...

Смотрю на них
И чувствую вину,
Как будто я
Придумал ту войну.

1989

* * *

Мы сидели в тумане
Сигаретных дымков.
Песни пел об Афгане
Нам майор Верстаков.

То, что славный он парень, –
Это ясно без слов.
Да к тому ж под гитару
Петь всю ночь он готов.

...И дымились дувалы,
И сияла звезда.
И чернели завалы
На пути в никуда...

В нашей комнатке тесной,
Задыхаясь в чаду,
Мы не слушали песню –
Постигали беду.

Что в горах Гиндукуша
И на родине, здесь...
И слова – прямо в душу –
Про отвагу и честь.

И поёт о высоком,
Не желая наград,
Обогнавший эпоху,
Прилетевший назад...

1985

БЕЗ НАЗВАНИЯ

1

Это вам не Афган!
За спиною – Казбек.
Снова душат нас горы
Петлёй серпантина.
И старательно ловит
Иностранца абрек
В прорезь планки прицельной
Своего карабина.
Он нажмёт на курок –
Миг! – и будет таков.
Эхо юркнет в ущелье,
И вновь станет тихо...
Здесь витают над нами
Средь тяжких трудов
Гордый призрак – Шамиль,
Злая тень Валерика.
Вновь опустится ночь,
И взойдёт судный день.
И вершины нам вслед
Поглядят с укORIZНОЙ...
И, быть может, безумство
Пустых деревень
Нам напомнит просёлки
Далёкой отчизны.

2

Россия – родные просёлки,
Где сосны, берёзки да ёлки,
Где вьётся ужом колея.
Озябшие избы и нивы –
Неужто не будет счастливой

Прогорклая эта земля?
Где даль упирается в дали,
Где долго коней запрягали
И мчали незнамо куда...
Повсюду, на каждом погосте,
Лежат сыновей твоих кости.
А сверху – то крест, то звезда...

1989

* * *

Николаю Иванову

Кривую судьбы на кобыле хромой не объедешь –
И пуля, и нож, и огонь своей не упустят победы.

Костлявая здравствуй! Явился я – гость долгожданный
И званный тобой десять лет, как ушли из Афгана.

Ах, мне ли пенять, что я так задержался на свете?
В глазницах былых блокпостов
разгулялся обугленный ветер...

Ах, мне ли жалеть, что умру не в домашней постели,
Когда уж давно меня ненароком отпели?..

И, в общем не жаль, что отпели чуть-чуть рановато:
Уйти, так в бою, чтоб навеки остаться солдатом.

Уйти, чтоб потом помянули друзья
на прощальной обедне,
Что бой – где погиб я – в истории самый последний.

1999

* * *

Недобрая ратная слава,
Неясная сердцу тоска...
Насытилась кровью держава –
С Кавказа уходят войска.

Без почестей, проводов, песен.
И – каски пониже на лоб...
Их путь между скалами тесен
И страшен, и тяжек, как гроб.

Ждут дома и жёны, и мамы.
Истории ждёт приговор.
Колышется знамя ислама
На фоне разгневанных гор....

Накажут, конечно же, правых.
Неправых – награды найдут
И станет циничней держава
На тех, что до дома дойдут.

1996

* * *

Небо, как десантная тельняшка,
Скинута пропотевшим Богом,
Сушится на трубах заводских...
Старая нательная рубашка,
Без души она – почти убога,
Как убог без вдохновенья стих

Грязные военные итоги
Заполощет пьяная страна,
Сатанея в предвкушенье новых...
Тельник застирал солдат безногий,
С той поры, как бросила жена,
И душа черна, как туз пиковый.

А завод за окнами героя,
Где он до призыва токарил, –
Красный, наподобие Кремля, –
Не дымит. Его в три дня закроют.
Он солдату трубы подарил
Для просушки нижнего белья.

...Голубые, белые полоски
Всё на свете видевшей рубахи,
И бельишко прочее – до кучи,
Старые солдатские обноски
Ветер раздувает, словно флаги...
И плывёт Россия, словно туча.

В край, где отраженье небосвода
Кажется реальнее, чем вера,
И в созвездье самых сладких снов
Голубое с белым входит в моду,
И пронзает раненое тело
Ко всему живущему любовь.

1996

ИСТМАТ

История всё так же, по спирали,
Закручивает нам жизнь-бытьё...
Внук тех, что на гражданской
умирали,
Теперь – отец
идущих на неё.

2002

МАЙДАН

Рвут на части Украину,
Ридну неньку, батькивщину.
Память древнюю мою
Рвут на части «доброхоты»,
Так им, видимо, охота,
Чтобы мы сошлись в бою:
Брат на брата, кум на свата,
Малоросс, великоросс...
Знать, для всех европ и штатов
Нас поссорить – вот вопрос.
Вот задача, так задача –
Нас навек разъединить...
Видно, знают, что иначе
Русский дух им не сломить.
Жгут напалмом, бьют цепями
На Крещатике и здесь,
Чтоб мы сделались врагами,
Позабыв про стыд и честь.
Чтобы нашу кровь по кашле
Растащили силы тьмы,
Чтоб на старые на грабли
Наступили снова мы,
Чтоб забыли все былины,
Что намотаны на ус...
Рвут на части Украину,
Ну, а целят прямо в Русь!

2014

И ПАМЯТНИК НИЗВЕРГЛИ С ПЬЕДЕСТАЛА...

*Шестнадцать памятников Ленину за одну ночь
уничтожили радикалы на Украине...*

Из сообщений информагентств

Давно не бьём поклонов мы вождю,
Откланялись и отсалютовали...
Бывало, и по десять раз на дню
Нас в детстве делать это призывали.

И всё ж как в сердце нож, когда его
Облупленные ветром монументы
Срывают с места, будто для того,
Чтоб показать вождям и президентам,
Мол, в будущем такое ждёт и вас,
Коль выпустите вы из рук поводья
Державные хоть на единый час –
Не удержать тогда вам половодья
Стихийного...

Не важно, кто есть «who»,
Снесёт плотину варварская сила...

Внемлите разуму все те, кто наверху,
И проводите Ленина в могилу!

Уроки прошлого – не мумия в гробу...
Но памятники пусть стоят, как вехи,
Напоминая пращуров судьбу,
Страны родной утраты и успехи...

Пускай же не поднимется рука
Потомка, чтоб над памятью глумиться.
История, как ни была б горька,
Теперь уже не может измениться.

2014

* * *

Мимо хуторов Диканьки дедовой,
Мимо хат, глядящих на закат,
Мчится тройка вдаль, одной ей ведомо,
Как обочь столетия летят.

И пускай, забыв наказы Гоголя,
Кто-то речь заводит про своё,
Тройка-птица мчит крутой дорогою –
Ни догнать, ни обогнать её!

Три единокровных рода-племени,
Вы в упряжке сведены одной –
Триедины навсегда во времени.
Разве важно, кто тут коренной?

Украина, Русь и Белоруссия,
Сколько б ни стегали вас, ни жгли,
Вы не задрожали, вы не струсили,
И с дороги общей не сошли.

И пока по шляху по кровавому
Вместе вы везёте свой возок,
Никакому ворогу лукавому
Не удастся сесть на облучок.

2014

* * *

Мы шагаем как по минам,
Мы не знаем, как нам быть...
Научи нас, Украина,
Нашу Родину любить.

Чтоб любые перегрузки
Душу нам не потрясли,
Чтоб язык родимый русский
Мы навеки сберегли,

Проживая Бога ради
Так, как Бог прожить нам дал...
Чтоб чужой заморский дядя
Не пришёл к нам править бал,

Как к тебе пришёл он ныне,
И склонилась ты пред ним,
Дорогая Украина –
Наших предков горький дым.

Научи нас, научи нас,
Хоть ценой своих потерь,
Что склоняться – не по чину
Перед врагом теперь.

Не по чину без причины
Всё былое позабыть.
Научи нас, Украина,
Память общую любить!

Чтоб любовью этой вящей
И тебе помочь самой,
Нашей, братской, настоящей,
Неприкаянной, родной...

2014

* * *

Летний зной уральских городков,
Запах тополей и шашлыков
Тесно спаян с запахом бензина.
Контуры пологих синих гор
По краям окраинных озёр
Мне напоминают горы Крыма...

Вот такой загадочный пейзаж...
Слава Богу, Крым обратно наш –
Без войны, без боли, без неволи...
Но и здесь, от выстрелов вдали,
Медный дух исходит от земли –
Твёрдой, словно прашуров мозоли.

2014

КОМСОМОЛЬСКОМУ ДРУГУ

Друг мой давний, это ты ли?
Где погоны, вензеля?..
Мы одной стране служили,
Нашу землю не деля
На «твою», что нынче с краю,
И на край, который – «мой»...
Как же мы теперь, не знаю,
Станем говорить с тобой,
Друг мой украинский Толя,
О природе всех потерь?
Мы с тобой шурупы что ли,
Кем-то вкрученные в дверь?

Или думаешь иначе,
Логике наперекор?
Ты молчишь, а это значит –
Не случится разговор.
Чтоб не вспыхнуть, словно порох,
Мы расстанемся с тобой...
Ты за тот уйдёшь пригорок,
Я, понятно, за другой,
Об утраченном доверье
И о будущем скорбя,
До поры покуда, двери
Посреди былой империи,
Каждый тянет на себя.

2018

НОВОРОССИЯ

Заря тяжёлая кроваво
Стекает с кручи терриконов,
И ополчения застава,
Как в храме русская икона,
В которую в упор стреляет
Зверьё со свастикой на лапах...

Но свет победный воссияет,
И тьма покатится на Запад,
Влача свой серный след поганый
К норе, где можно затаиться...

Донбасс, твои святые раны
Нас учат верить и молиться.
И помнить, кто мы и откуда,
И сколько жизней стоят память
И мир, нетленный словно чудо,
Бессмертный, как икона в храме.

2015

НА ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ

Сынок, отринь всё прошлое своё,
Забудь, когда рука оружие стиснет,
И повиликой порастёт быльё,
И злобы яд в тебя эпоха впрыснет,
И в бой погонит, смыслу вопреки,
И новыми законами обяжет
Пить зверем воду из чужой реки,
Той, что тебе форсировать прикажут
И, словно зверю, горло рвать врагу,
Что встанет поперёк дороги к дому...
На взятом в диком штурме берегу
Забудь о том, что можно по-другому:

Читать стихи, потягивать вино,
Ловя соседки взгляды золотые,
И думать, что все люди заодно —
Счастливые, любимые, святые...

Всё это там, в невысказанной дали,
Что позади и впереди маячит...
Ты в бой идёшь. Здесь слово о любви
Совсем иное, да, иное значит.
За други душу положить свою,
За землю, что забыть вовек не вправе —
В сраженьё горьком, в праведном бою,
На переправе, сын, на переправе...

2014

МОНОЛОГ СНАЙПЕРА КАТИ

Наверное, стрелять нельзя,
Убить неловко,
Когда присела стрекоза
На ствол винтовки.

Устроилась – незнамо где,
С судьбой играя...
Жму на курок, и эСВэДэ
Моя стреляет.

И гром летит быстрее, чем мысль,
Врагу навстречу.
И выстрел обрывает жизнь,
Хоть сам – не вечен.

Затихнет в горной стороне
Шальное эхо.
И враг сражён, но жалко мне
В нём – человека.

А стрекоза, вспорхнув, летит,
Садится смело
На остывающий гранит
Пустого тела.

2018

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

Вадиму Дулепову

1

Боюсь я праздной чепухи,
Когда – вино, а не стихи,
И время – ласковый обман –
Приблудным псом нам пятки лижет...
Тогда себя я ненавижу,
Как иноверного душман.
Но пью, от мерзости трезвея,
И обнимаю чуждых мне.
И то, что истина – в вине,
Припомнить кое-как сумею...

2

Что истина? Она – одна,
Хоть в отраженье не похожа.
Как постаревшая жена
На ту, самую себя моложе.
Как на себя твои сыны,
Что возвращаются с войны,
Куда тебя уже не взяли...
Как репродуктор на вокзале
Совсем не то, что – глас с небес,
Вещающий, что нету мест
На поезд в нужном направленьи
За миг всего до отправленья.
Но... остается интерес,
Что, воскресая из попойки,
Как родина из перестройки,
Ты узнаешь её и без
Высоких слов и объяснений
И новых флагов на ветру.

Но с кружкой пива поутру –
Для головы шальной спасенья...
Ты узнаёшь
И пьёшь до дна,
Тем жизнь вчерашнюю итожа,
Как истину, что всё ж – одна,
Хоть на себя и не похожа.

1995

ПЯТНАДЦАТОЕ ФЕВРАЛЯ

К подножью Вечного огня
Сошлись все те,
Кто без меня
Служил в Афгане...
И, сколько б ни прошло годов,
Огонь цветов и орденов –
И кровь, и знамя...

Хотя для них
Я – не чужой,
Хотя я с ними
Всей душой –
Судьбы мне нечего стыдиться,
Но в этот день
Их стороной
Я обхожу.
Пусть мне простится
Дистанция,
Что в час иной
Не понята была бы ими –
С войны пришедшими домой
Однополчанами моими...

Я не был там!

2009

УЕХАТЬ ИЗ МОСКВЫ

Виктору Верстакову

Пора уехать из Москвы.
Так некогда цари скрывались
В провинции, в глуши, в монастырях,
Чтоб не осталась Русь без головы,
Чтобы в сердцах надежда оставалась...
Но дело тут, конечно, не в царях!
А в том, что надо уезжать,
Как будто от напасти,
От быта своего, что хищен, как пожар.
Чтоб вновь собою стать
Вне пут столичной власти
Под взглядами недремлющих Стожар.
Уехать надо, чтоб
Вернуться к изначально –
К истокам, где вода, как прежде холодна,
Где чистотою строк
Высоких и печальных
Душа опять становится прозрачною до дна.
...Слов не услышать там,
Где гром напевов модных,
Где каждый хам и царь –
И царь, и хам вдвойне...
Где тусклых будней хлам
Мешает стать свободным.
Таким, как в детстве был.
И – на войне.

2002

* * *

От войны, как от сумы,
Отпираться нечего.
Вспышки выстрелов из тьмы,
Грозной, изувеченной.

А в окопах – стынь и кровь...
И рулетка крутится.
Будут завтра дом, любовь,
Если жить получится.

Будут завтра ордена –
Плата за увечия.
И забудет нас страна –
Удивляться нечего.

Только нам не позабыть,
Нам кошмаром мучиться,
Помнить, как хотелось жить,
Если жить – получится.

В каждом миге тишины
Взрывы отражаются.
Полстраны пришло с войны,
Полстраны сражается...

2000

* * *

Скажите, откуда
Крылатое чудо –
Мелькают стрижи?
Ответьте, кто знает,
Зачем они стаей
Вершат виражи?

И вновь на рассвете
Пищат, точно дети,
Зовущие мать.
Трепещут, как знамя,
Что по-над полками
Идёт воевать.

Бесстрастно, как пули,
В звенящем июле
Срезают траву
И каждой былинке
Пророчат поминки
Почти наяву.

И снова взмывают,
И нам обещают
Соцветий салют.
Архангелы будто –
В прозрачное утро
С собою зовут.

2013

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

Смотрю на фотокарточки
И жизнь назад листаю...
Вот я, присев на корточки,
В «солдатики» играю.

В фуражках и буденовках
Сошлись. Порядки смяли.
А с фланга – лавой конники –
Блестят полоски стали.

Сражение закончится,
Конечно же, победою...
Победой наших – знаю я,
Других побед не ведая.

По всем законам тактики
Я новый бой устрою,
Пока ещё в «солдатики»
Жизнь не играет мною.

И есть резервы в ящике,
И нету веры в Бога.
И кровь не настоящая,
И пули из гороха...

2002

ТРЕТИЙ ТОСТ

Моя «афганская родня» –
Друзья, пока ещё живые...
Ваш третий тост –

пью молча я

Из кружки граммы фронтовые.

Так вышло, что я не был там,
Откуда мог не возвратиться...
Но продолжается Афган,
Шагнув войной из-за границы.

И расширяется джихад,
И ненависть всё не уймётся...
Ваш третий тост, он за ребят,
Которым в бой идти придётся

И не вернуться из огня,
И стать молчанием высоким...
Ваш третий тост, он, за меня,
За всех солдат страны – в итоге.

1998

ИЗ СВОЕГО ОКОПА

1

Моя передовая
Без залпов и огня –
Третья мировая
Идёт внутри меня.

А вырвется наружу –
И всё спалит дотла...
Проходят через душу
Фронты добра и зла.

Не место громкой фразе –
Здесь ценятся дела.
Проходят через разум
Фронты добра и зла.

И выйти мне из боя
Не позволяет бой.
Как будто я собою
Спасаю шар земной.

Как будто, если сгину
На роковой черте,
Наш мир добро отринет
И канет в темноте.

2

Я не прятался, нет,
Но судьбинский сюжет
Оказался иначе построен:
На афганской войне

Не случилось быть мне,
На чеченской – не стал я героем.

Но на том рубеже,
Что проходит в душе,
Где оставить не смеешь ни пяди,
Я отстаивал свет,
Ради общих побед,
И России, единственной, ради.

Пусть – в отставке – давно,
Но служу всё равно,
Защищая в себе человека.
Хоть такая война
Никому не видна,
Я – на ней – до скончания века.

2018

* * *

Война вокруг весь век кружит
Меня как жертву сторожит...
И, не стреляя, не воюя,
Сполна войне за всё плачу я.

1999

ТРЕТИЙ СТОЛБЕЦ

У меня два друга есть,
Хоть и сам я не бог весть,
Но втроём мы так гуляем –
Невозможно глаз отвести:
Каждый сам себе хозяин,
Каждому – любовь и честь.

Нас с друзьями не разъять,
Мы Россиюшке подстать:
Вроде, с виду, голь простая,
Но зато какая стать!
Запоёт душа родная,
Как же ей не подыграть?

Балалайка – три струны,
Меж собою все равны.
Если горе – то горюем,
Если радость, то хмельны,
Счастливы напропалую –
От войны и до войны.

2011

* * *

В нашем дворе, где «хрущобы» стоят с трёх сторон,
В самом начале, когда только двор появился,
Было полно пацанов – для того был резон:
Если батяня вернулся с войны, ты – родился.

Весело было, и жизнь безмятежно цвела –
Время начала шестидесятых и оттепель вроде...
Всех нас судьба в этот двор заурядный свела,
И переросток шальной среди нас хороводил.

На кочегарке, на куче родного угля,
Что добывали отцы в недалёком разрезе,
Он, через слово вставляя ершистое «бля»,
Нас обучал, малолеток, как будто в ликбезе,

Не предавать, за «базар» отвечать, не темнить,
Бойко «бычок» раскурить от дрянной сигареты,
Ну, и конечно, не дрейфить и дружбу ценить,
И под гитару нам пел воровские куплеты...

Был он кудряв и красив, как трефовый валет,
Или мне это тогда от восторга казалось...
Нынче наш двор опустел, и ровесников нет,
Правду сказать, так совсем их уже не осталось.

Ванька за глупую драку на зону влетел
И, породнившись с блатною романтикой, сгинул,
Сашка в Афгане в подорванном танке сгорел,
Юрка в Чечне был расстрелян предательски, в спину.

Вовка, Валерка и Игорь спились на троих,
Не переплыли бодяги зелёную реку...
Я во дворе в сотый раз окликаю своих
И – днём с огнём – своего здесь ищу человека.

Кто – не предаст и ответит сполна за «базар»,
Рвущий страну и торгующий честью с экрана...
Трудно дышать, на глаза набегают слеза –
Честная, словно слеза хулигана.

Будто хлебнул я весеннюю вновь синеву,
Что позадорней ядрёного хлебного кваса...
Память? – Расплата моя, что сегодня живу
Я за ребят, кто не дожил до этого часа.

2015

СУДЬБЫ МОЕЙ ВОЕННЫЙ ЭШЕЛОН

КАЗАРМА

Юрию Захарову

Из мороза – в рай тепличный,
Где портяночный настой
Перепутался с мастичной
Стометровой красотой.

Где счастливо половицы
Под тобою запоят.
Где и птицы на петлицах,
Отогревшись, оживут.

Где на тумбочку – меж коек,
Словно голубь – на крыльцо –
Прилетит к тебе шальное,
Дорогое письмецо.

Где, идиллию ломая,
Рык старшинский – во весь рост –
Вновь построит, подровняет
И погонит на мороз...

1999

СОЛДАТСКАЯ НАУКА

Раз – лопата!
Два – лопата!

Окопаться дан приказ.
Ведь окоп,
Он для солдата –
Дом и крепость.
А сейчас:
Сам вгрызаюсь я в планету,
Весь в земле, в поту,
В пыли.
Кажется, что твёрже нету
Отведённой мне земли!

Жжет нещадным солнцем лето
Наши спины и поля.
Пахнет миром,
Пахнет хлебом,
Пахнет Родиной земля!

1983

ПЕСНЯ О ПОЛЕВОЙ КУХНЕ

Это место в каждой роте
Знает всякий рядовой.
На ученьях и в походе –
Место кухни полевой.
Доставай скорее ложку,
Котелок из вещмешка...
Подзаправимся немножко,
Час обеденный пока.

Эх, наша кухня полевая,
Без тебя не обойтись.
Ты кормишь нас, как мать родная.
За добавкой становись!

Говорю тебе без фальши:
Думай парень, головой!
От начальства будь подальше –
Ближе к кухне полевой.
Есть для этого причина:
Несмотря на бравый вид,
Через кухню у мужчины
Прямо к сердцу путь лежит!

Щи да каша – пища наша,
А на третье есть компот...
Жизнь как будто стала краше,
Вспыхнет радугой вот-вот.
Возрастает дух победный
И характер боевой
После сытного обеда
Здесь у кухни полевой.

2003

В ИЮЛЕ

Гром прогремел, а дождя не случилось.
Тучи рассеялись, как мотыльки.
Будто «ура» по цепи прокатилось,
Но не рванулись в атаку стрелки.

2002

НА УЧИЛИЩНОМ ПЛАЦУ

Снег идёт, а мы скирдуюм –
Чистим, скоблим стылый плац,
Зауралья ветродуи
До костей пробрали нас.

Рвётся там всегда, где тонко,
И простуженно-сердит
Замкомвзвода крик в печёнках,
Словно гвоздь у нас сидит.

Вьюге, точно на параде,
Отдают плакаты честь.
А она как будто рада,
Что мы вкалываем здесь.

Что устав – всего превыше,
Что приказ – всегда приказ,
Что казарма с плоской крышей,
Как дворец для нас сейчас.

Там светло, тепло и сухо,
Там метели все – пустяк,
Там и крик сержантский ухо
Режет вроде бы не так.

Но в казарму хода нету –
На пути у нас сугроб.
Все учебники с рассвета
Заменяет нам скребок.

И пускай конца и края
У работы не видать,
Шаг за шагом постигаем
Мы науку побеждать.

И ещё одну науку
Изучаем заодно,
Что в итоге сильный духом
Верх одержит всё равно

Над пургою, что лютует,
Как постылый замкомвзвод.
Снег идёт, а мы скирдуюм.
Мы скирдуюм, снег идёт...

2007

СТРЕЛА И ПЕСНЯ

Россия – любимая моя!

Из солдатской песни

Сыны Чингиза и Батыя –
Ослабла луков тетива...

Солдатский строй поёт:
– Р-а-с-с-ы-я... –
Калеча русские слова.

Стрела, что пущена в Ивана,
Домчалась к нам через века.

В строю на сотню горлопанов –
Лишь три Ивана-дурака!..

Но русской армия зовётся,
Хоть и раскосая на вид...

Судьба России не прервётся,
Коль песня русская звучит.

Не отрицая всё бывшее,
Летят туда, где даль светла,

И песня, ставшая стрелою,
И песней ставшая стрела.

1986

* * *

Я матери его сказал два слова
О том, что служит сын, что
жив-здоров.
А мать расцеловать была готова
Меня за радость тех обычных слов.

Она засуетилась, заметалась
И собрала на стол, что в доме есть.
И вместе с тем в моих глазах пыталась
О сыне что-нибудь ещё прочесть.

...Мы попрощались,
а она с тревогой:
– Жду писем не дождусь,
а их всё нет...

И, провожая, вышла на дорогу,
Смотрела, словно сыну мне вослед.

Плыл над землёю свет голубоватый,
И где-то тихо пел магнитофон...
Я шёл и думал: «Проберу солдата
За то, что матери не пишет он!

Мать извелась, ему же – горя мало!
Ах, как порой жестоки сыновья...»
Вдруг вспомнил мать свою – и горько стало:
Ведь сам-то ей пишу не часто я.

1982

* * *

Справа – рыжие стога,
Слева – лес берёзовый...
Едем прямо на закат,
Бирюзово-розовый.

Нас в «Икарусе» полно.
Все мы – очень разные.
Вот два парня пьют вино,
А стаканы грязные.

Справа – рыжие стога,
Слева – лес белеется.
Вот мадам – на вид строга,
Старичок к ней клеится.

Вот почтенная семья
С четырьмя детишками.
Вот военный – это я,
С интересной книжкой...

Все – под крышею одной,
Всем комфорта поровну.
Кто – из дома,
кто – домой,
Едем в одну сторону.

1984

* * *

Дом с красной крышей.
Рядом – тополя,
Зелёные, как будто новобранцы,
Надевшие впервые кителя,
Стеснительно у зеркала толпятся.
А в доме с красной крышей
я служу.
Здесь красоваться формой не пристало:
Звоню, пишу,
опять звоню...
Тружусь.
И в поздний час домой спешу устало.
С утра опять
приказы и звонки.
Всех нас в себе одном соединяя,
Штаб знает всё:
где строятся полки
И где тревога
полночь разрывает.
Штаб знает всё:
как в цель летит снаряд
И как в эфир летят сигналы
раций...
Дом с красной крышей.
Рядом – тополя,
Зелёные, как будто новобранцы.

1986

АВИАТОРЫ

Подвигами здесь не козыряют,
Пышными словами не сорят.
Потому, наверно, и летают
Лучше, чем об этом говорят.

1981

* * *

Только день прошёл,
Не годы –
Белой стала голова.
Двадцати двух лет от роду –
Миши Птицына вдова.
Мы её не утешаем,
Мы сейчас молчать должны...
Фотография большая –
Смотрит лётчик со стены.
– Небо – трудная работа... –
Молвил кто-то из ребят.
– Не вернулся из полёта... –
Так об этом говорят.
Ночь сиреневою шторой
Занавесила окно.
Как всегда, режут стартёры,
И уходит ввысь звено.

1982

КОМАНДИРОВКА

Я летел в командировку...
Вся моя экипировка:
Мыло, бритва и блокнот,
Томик Брюсова – в портфеле.
Мне казалось, еле-еле
Плыл по небу самолёт.
А потом кряхтел «УАЗик»
Нас вытягивал из грязи,
И дорога вдаль вилась,
И роптал тиснёный Брюсов,
Поводя бумажным усом,
С мылом

стал-

ки-

ваясь.

Не сердитесь, мэтр почтенный,
Уж таков удел военный.
Я, солдат обыкновенный,
Не хотел обидеть вас.
Мне и самому неловко,
Но моя командировка
Только-только началась.
И утих стеснённый классик...
Всё вперёд бежал «УАЗик»,
Догоняя горизонт.
Мыло, бритва и блокнот,
Томик Брюсова – в портфеле.
Офицер политотдела,
Еду в дальний гарнизон.

1984

ДВОЕ

Лейтенантик в фуражке с околышком
Голубым,
 как с картинки сошёл.
И девчонка с ним рядом – как солнышко,
Рассиялась – так ей хорошо!
А про то, что дороги военные
Дарят больше прощаний,
 чем встреч,
С ней пока бесполезно, наверное,
Заводить просто-напросто речь.
Жизнь сама всё разложит
 по полочкам,
Всё поможет постичь и понять...
Двое – рядом.
 И солнца осколочки
На плечах лейтенанта горят.

1985

ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Пусть призовет меня судьба к ответу:

– Скажи, солдат, чем в жизни счастлив был?

– Нет крови на руках и эполетах.

Служил,

а не убит

и не убил!

2001

АВТОПОРТРЕТ

Фуражка. Портупея и погоны –
Мой пропылённый полевой наряд.
Иду домой по улице знакомой,
Уставший так, что городу не рад.
Как будто всё ещё на полигоне,
Где жаркий ветер порохом горчит...

Фуражка. Портупея и погоны –
Лица уже почти не различить.

1987

ЧИТАЯ КЛАССИКОВ

– Служить бы рад, прислуживаться тошно...

Сказал поэт так просто и так точно.

Я повторяю, хоть не ретроград:

– Прислуживаться тошно, службе – рад!

Не ради денег, славы...

Это – проза.

Но ведь не в этом существо вопроса.

Душа идею ждёт который год...

А что народ? – Безмолвствует народ.

1999

ПРАВОФЛАНГОВЫЙ

Всегда на правом фланге кто-то
Был выше ростом, званьем, чином...
Равняться – это ли работа
Для настоящего мужчины?

Но, поразмыслив, понимаешь,
Что нет в командах униженья.
Есть жизнь военная, иная –
Как бы другое измеренье.

Где всё – по строгому уставу,
Где к истине внезапно выйдешь:
Он – прав, не прав, стоящий справа,
Не подравнявшись, не увидишь.

2002

ЗОВ

Памяти Юрия Беличенко

На зов трубы и я спешил, бывало,
К своей казарме и на полигон.
Росою сапоги мне обмывала,
Звездой ложилась юность на погон.
И кровь бурлила, алая, как знамя,
И жизнь была понятной, как Устав...

Пусть говорят, стареет даже память,
От впечатлений собственных устав.
Но этот зов, он – неизбывен, вечен,
Он поселился в сердце неспроста.
И распрямляет думы, душу, плечи
Мечта, что, словно молодость, чиста:

Вновь позовёт труба на поле чести,
Где всё равно – война иль не война –
Но все мы – братья, все мы снова вместе,
И Родина, как мать, у нас одна.
Где командиры так звонкоголосы,
Где, как струна, встревоженный рассвет...
Где на любые трудные вопросы
Легко находишь правильный ответ.

2008

К РАЗГОВОРУ О ДОЛГЕ

Мой мундир, регалий полный,
Мне давно не по плечу...
Вроде, долг уже исполнил,
Но по-прежнему плачу.

Будто не оставил службу,
Как солдатский котелок...
Был в строю, коль было нужно,
А вне строя жить не смог.

И теперь служу бессрочно
Полководцем звонких слов,
Командиром букв... Так точно!
К новым подвигам готов!

2016

РУССКИЕ ОФИЦЕРЫ

Петру Ткаченко

Измельчали мы, честь разменяв на чины...
Не за то ль получали награды?
И не смыть даже кровью нам этой вины,
А смывать обязательно надо.

Офицеры – последний российский оплот,
Ваша жертвенность выше карьеры.
Было время и прапорщик вёл вперёд фронт...
Где же вы, господа офицеры?

А Россия теряет свои рубежи
Вашей кровью кроплённые густо.
Задышается в горьких надеждах и лжи,
Но давно за душой уже пусто.

Разогнёмся ещё не окончился бой,
На себя всё возьмём, как бывало.
Нас Отчизна не раз заслоняла собой –
Нам спасти её время настало.

Офицеры – последний российский оплот,
Ваша жертвенность выше карьеры.
Было время и прапорщик вёл вперёд фронт...
Где же вы, господа офицеры?

1990

ДУЭЛЬ

Здесь честь дороже денег и чинов,
Страшнее смерти кажется бесчестье...
К барьеру ты уже шагнуть готов
С той самой пресловутой жаждой мести.

И ничего переменить нельзя,
Покуда жизнь и смерть играют в фанты,
И курят, опустив глаза, друзья,
Которые обычно секунданты...

1987

ГИМН ЦЕНТРАЛЬНОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

Россия нас с тобою воспитала,
Доверила беречь её покой.
От Волги-матушки до берегов Байкала
Живём семьёй единой, боевой.

Центральный округ, ты во всём – центральный,
Могучий, как былинный богатырь,
В себе объединил ты не случайно
Седой Урал, Поволжье и Сибирь!

Традиции, как главные резервы,
Мы бережно в душе своей несём.
Отцы Москву спасали в сорок первом,
И мы её, настанет час, спасём.

Свои сердца мы службой закалили
Здесь, на центральном, боевом посту.
Чтоб мирный день не прерывался в мире
Мы охраняем мир и красоту.

2013

* * *

Своей эпохой я гордился,
Врагов встречал лицом – к лицу
И на колени становился,
Целуя Знамя на плацу.

Горячий и неукротимый,
И далеко не идеал,
Я перед Женщиной любимой
Свои колени преклонял.

Со злом в себе вступая в битву,
Склонялся в Божьем храме я
И к небу возносил молитву,
Чтоб Родина жила моя.

...Пасть ниц не стыдно для солдата,
Пока на белом свете есть
Всё то, что дорого и свято –
Любовь, Отечество и Честь.

2017

ПРОПИСНАЯ ИСТИНА

Дороже всех титулов, званий, наград –
Их все сдать обратно готов я,
Чтоб только ко мне возвратилось назад
Моё молодое здоровье.

Увы, невозможен подобный обмен.
Блестят ордена и медали...
Гляжу я на них и завидую тем,
Кому их пока что не дали,

Кто весел, и бодр, и не ведает мук
Телесных на данное время,
По жизни бежит... Пресловутый петух
Не клюнул счастливича в темя...

Свершенья ещё у него впереди,
Амбиции правят судьбою.
И сердце так ровно стучится в груди,
Как часики, без перебоев.

2016

ДЕНЬ ВДВ

Илья Пророк гремит громами –
И в колеснице над домами
Подобно молнии летит...
Десантники в пруду резвятся,
Они пьяны и матерятся –
День ВДВ им всё простит.

А я резвящимся – не критик,
Храню в шкафу армейский китель,
Порой жалея, что не пьян,
Всё ж в пруд купаться не полезу:
Вверху Пророк гремит железом,
В порывах, как десантник, рьян.

А мой удел совсем тверёзый:
Глядеть на жизнь светло сквозь грозы,
Венчающие этот день,
Который тем уже прекрасен,
Что он для мира не опасен,
Пусть и с беретом набекрень.

2017

* * *

Зовут в командировку на войну
В чужую, а верней – в мою страну,
Которой присягнул назад полвека,
Как будто, если соглашусь поехать,
Её – страну советскую – верну!

А вместе с ней – счастливейшие годы,
Народам – братство, а душе – свободу
В идею верить запросто опять,
Любить друг друга, а не воевать,
Как приказал заморский воевода...

И я готов поехать безоружным –
Не волен оставаться равнодушным
К стране прекрасной юности моей...
И пусть уже не возвратиться ей,
Мне – возвращать долги когда-то нужно!

2017

30 ДЕКАБРЯ

Что кивать на державы лихое житьё,
Если сам отступился в беде от неё?

Ты присягу нарушил свою, офицер,
В день, когда упразднили СССР!

Всё иное – слова. К делу их не пришьёшь.
Как, присягу нарушив, ты дальше живёшь:

Ни – в петлю головой, ни – к виску револьвер,
Вспоминая разрушенный СССР?

Можешь дальше искать за границей врага –
Нет того, чему в юности ты присягал.

Можешь дальше плести об Отечестве речь –
Нет того, что ты жизнью поклялся сберечь!

Смалодушничал раз, честь свою погубя,
Потерял и Советский Союз, и себя.

2006

ВЕРТУХАЙ

Вертухай по вышке ходит
И на зэков вниз глядит.
Он, конечно, на свободе,
Только всё равно сидит.

Всемогущ для тех, кто в зоне,
Для начальства – сам как тля,
Автомат зажал в ладонях,
Тех и этих костеря.

Но, как будто упрекая,
Мол, и эту жизнь не хай,
Сверху вниз на вертухая
Смотрит месяц-вертухай.

Им обоим до рассвета
Быть бесменно на часах...
На земле свободы нету,
Нет её и в небесах.

2006

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ НОЯБРЯ

Александр Кононову

Словно в книге листаю страницы,
Проживая отпущенный срок...
То ли правда, а, может, мне снится,
Что стою на скрещенье дорог.

Хоть налево иди, хоть направо,
Выбор может быть только один:
Лучше скорая смерть, но со славой,
Чем в бесславье дожить до седин.

Что тут звания, что эполеты,
Если сердцем ты принял обет:
Нет корысти в служении свету,
Где корысть, там – служения нет.

2017

ТРЕВОГА

Многое забывая,
Помню службы уроки:
В каждой учебной тревоге
Тревога живёт боевая.

Порох сухим – до срока –
Хранится в пороховнице,
Чтобы не дать тревоге
В бой превратиться...

2009

РИСТАЛИЦЕ

Не был я контужен, не был ранен,
Прослужив почти что тридцать лет...
Да, не довелось на поле брани
Мне держать под пулями ответ.

И порой как будто виноватый,
Что ещё – живой, ещё – дышу,
Что святое звание солдата
Без укоров совести ношу.

...Вновь вздыхает сердце ретивое,
Как перед походом сигналист,
И лежит, как поле боевое,
Предо мной суровый белый лист.

Что же ты дерзнуть боишься, воин?
Здесь – такой же край передовой,
И лишь тот бессмертия достоин,
Кто за славу платит головой!

Пусть никто не скажет строго:
– Надо! –
И бегом в атаку не пошлёт,
Но в груди последнею гранатой
Истина наивная живёт,

Чтоб рвануть в минуту роковую,
Встав у всей неправды на пути...
Я о поле боя не тоскую –
Мне с него вовеки не сойти.

Полагаю высшею наградой,
Если Провидением храним,
Был твоим, поэзия, солдатом –
Рядовым соратником твоим.

2009

* * *

Смирившись с тем, что ты не гений
И не герой,
Как откровенье из откровений
Несёшь с собой
То, чем душа твоя богата,
Что в сердце есть –
Простое звание солдата,
Любовь и честь.

2014

23 ФЕВРАЛЯ

Наивны объяснения в любви
На смеси командирского с английским...
Лишь водка, что течёт в твоей крови,
Ещё гражданством отдаёт российским,
Которое сквозь сигаретный дым
Патриотизмом кажется квасным,
Когда твоя страна идёт на слом,
И сам ты в ней – уже почти ничьей –
Сидишь за длинным праздничным столом
И веришь в правоту хмельных речей
Про то, что, мол, не продаётся честь
И Родина у нас с тобою есть...

2010

ПОРТРЕТ

Полковник, а словно поручик
Влюбляешься, верный судьбе,
В красотку, что сердце измучит
И нервы попортит тебе.

Но снятся изящные ручки,
Волос золотой завиток,
И взгляд, что, как солнечный лучик,
Бывает, то мил, то жесток.

Ах, эти мальчишечьи грёзы!
Немало их знал на веку...
А время потворствует прозе,
А проза – к лицу старику.

Пора позабыть про ноэли,
Умерив свой пыл, постареть,
Коль ты – в двадцать семь, на дуэли –
Не смог, как поэт, умереть.

2010

ФРАГМЕНТ

Наступает гроза – кавалерия лета,
Ментик тучи-гусара темно-синего цвета
С золотистой опушкой
И с одним эполетом...
И грома, словно пушки,
Громыхают дуэтом.
А вдали – облака, как кавказские сакли,
Прячут солнце-мюрида...

Кавалерия вскачь! К бою молнии-сабли
Готовь!
Но атака отбита...
Сквозь разрубленный ментик
Тяжёлые капли
Стекают, как кровь,
И чернеет их след позументом
На пыльной дороге веков...

2009

* * *

Наивная старость меня караулит,
Чтоб в детство моё увезти...
Хотя наша жизнь невозвратна, как пуля,
К тому ж – посредине пути.

Я радостно встречу с наивностью этой,
Я с ней не прощался почти
С тех пор, как примерил планиду поэта...
Лети, моя пуля, лети!

Ведь даже покинув беспечное детство,
О новой с ним встрече мечтал...
А пуля вонзается в самое сердце,
И плавится звонкий металл.

2009

* * *

Живу у края омской взлётки
Я как в полку родном, точь-в-точь...
И дождевые струи плёткой
Окно стегают день и ночь.

Как будто в том стекло повинно,
Что заглушает шум дождя,
Моторов гул и рёв турбинный,
И не могу расслышать я
Зов времени, и зов простора,
И голоса друзей моих,
Давно уж нет со мной которых...
Я так хочу услышать их!

Вернуться вновь во время оно,
На ВПП судьбы моей,
По молодым пожить законам,
Став и наивней, и честней.

Хотя б на миг, по крайней мере,
Побыть мальчишкой наяву –
И правдой юною проверить
Всё, чем сегодня я живу.

2016

* * *

Спасибо армии моей,
Что пенсию дала.
Ещё за то спасибо ей,
Что пенсия – мала.

Не позволяет захандрить
И отлежать бока.
Вставай, служи, коль рад служить!
Ведь жив ещё пока!

Но зарабатывая грош,
Всё ж помни, дорогой:
И эту малость не возмёшь
С собою в мир другой.

Здесь – днём сегодняшним живём:
Семь бед – один ответ...
А там, куда мы все идём,
Зарплат и пенсий нет!

Там – с остальными наравне –
К расчёту, наг и бос...
И то, что ты служил стране,
Зачтётся ль? Вот вопрос.

А не зачтётся, что пенять?
Авось, у райских врат
Ты будешь на часах стоять:
Солдат везде – солдат.

2017

БЕЗ МУЗЫ

Как суровый приговор –
Ни просвета, ни посылы,
Словно дёргаешь затвор,
А патрон перекосило...

И тогда твой автомат –
Железяка и не боле...
Да и сам ты, как солдат,
Позабывтый в чистом поле.

Снега белые листы
Все истоптаны пехотой,
И один в окопе ты,
И пожить ещё охота...

2006

* * *

Ещё одна зима минула,
И не оспоришь этот факт.
В природе смена караула:
«Пост сдал! – Пост принял!» –
Только так.

А ты, поэт, напрасно смену
Своим трудам бессонным ждёшь.
Ты на часах у всей Вселенной,
С поста, без спросу, не уйдёшь!

Пока небесный разводящий
Тебе не скажет: «Шагом марш!»,
Ты – страж гармонии и вящих
Пророчеств – неизменный страж.

Так, будь и бди, и, как святыню,
Храни сиятельный глагол,
Покуда сердце не остынет,
И разводящий не пришёл...

2018

ОФИЦЕРСКИЙ РОМАН

Сергею Аксененко

Офицерский роман –
от рожденья –
с Россией...

У возлюбленной этой – особая статья!
Раньше женщин таких –
под венец увозили
И могли без остатка всю душу отдать!

А теперь –
что кивать на вчерашние дали –
Неужели не можем влюбляться навек?..
Наш с Россией роман,
как эпоха –
скандален...

Но – глаза,
но – слеза,
но – берёзы,
но – снег...

Мы летим во весь дух,
мы готовы разбиться,
Смысл того, что вокруг, понимая едва...
Но роман наш не может никак прекратиться:
Если Армия – есть, и Россия – жива.

Пусть пророчат ветра,
как слепые витии,
Что смогу позабыть дорогое лицо...
Офицерский роман –
до конца и –
с Россией,

Даже если и не
со счастливым концом.

1999

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

СЛАВЯНКИ

Оркестры, а не тальянки
Гремят теперь в русском краю,
Славян провожают славянки –
Любовь и надежду свою.
Стоят поезда у перронов,
Минуты прощанья летят,
И смотрят славянки влюблёно
В глаза первогодков-солдат.
Цвет неба у нас на погонах,
И ты улыбаешься мне...
Раздался приказ:
– По вагонам! –
И вот замелькали в окне
Разъезды и полустанки...
А в сердце и удаль, и грусть.
Вернёмся, нас встретят славянки –
Любимая,
мама и Русь!

1978

* * *

Милая родина,
Малая родина,
Дедов приземистый дом...
Дальше, конечно же, в рифму –
Смородина,
Та, что растёт под окном.
Рядом – малина,
Колючий крыжовник,
А за забором – репей...

Будь ты, хоть праведник,
Хоть уголовник,
Будь в этой жизни – ничей,
Здесь обретёшь,
Всё, что было утрачено,
Пусть никого не найдя...
Холмик над мамой,
Крестом обозначенный,
Сетка косого дожда...

Добрая мама –
Кровиночка алая –
Сделалась пядью земли.
Родина милая,
Родина малая –
Можно в горсти унести.

2011

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

Твердят со всех телеэкранов:
Вот-вот грядёт приход тирана,
И превратимся мы в рабов...
А нас история учила,
И знаем мы, что злую силу
Способна одолеть любовь!

Мы любим вас, злодеи наши,
Мы полюбить готовы даже
Любых тиранов всех мастей...
Но не простим юродство духа
И прозябанье, и разруху
Великой Родины своей.

Мы не простим забвенье славы
Сынов и дочерей Державы
И униженье стариков,
И обнажённые границы,
И не сумеем примириться
С железной дланью чужаков.

Мы можем залюбить до смерти...
Не верите? Тогда – проверьте.
Но лучше б вам не проверять!
У нас для всех душа открыта,
Но если истина забыта,
Тогда нам нечего терять!

2009

НОВЫЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКЗЕРСИС

Верлибр ведёт к либерализму...
А либеральные идеи
Вредны моей больной отчизне,
Что с каждым годом всё худее,
Как жертва импортной диеты,
Что ради подиумной славы
Готова съесть и то, и это,
Включая даже и отраву,
Рекомендованную теми,
Кто с изначалья спит и видит
Россию подданной системы,
Что так Россию ненавидит...
Чтоб корни потеряв, забиться
В свободной от традиций фразе
И вечным ямбом раствориться
В косноязычном новоязе.

2010

* * *

Георгию Негашеву

Я видел кладбище берёз,
Что умирали стоя...
Нас разделял крутой откос –
Притормозивший поезд
Был вдаль умчать меня готов,
Перечеркнув мгновенье...
И не нашлось ни чувств, ни слов,
Чтоб выразить виденье.

И только после понял я,
Что помнить мне отныне:
Да, это Русь была моя –
По грудь уже в трясине!

Не отыскать друзей окрест,
Чтоб кто-то подал руку...
Летит гремящий век-экспресс,
Неся упадок духа.

Он лишь наживою живёт,
В нём нет любви и чести.
И только свет берёз ещё
Струится в поднебесье,
Суля надежду там, где нет
И толики надежды...

Я видел этот дивный свет –
Двух полустанков между.

Всё понимаю – надо жить,
Стоять и не сдаваться,
И, утопая в вязкой лжи,

Собою оставаться,
Чтоб среди всех вселенских гроз
Как самое родное
Лелеять в сердце свет берёз,
Что умирали стоя.

2011

* * *

Говорят, что страна, та, которой давал я присягу,
Проиграла войну иноземцам, пролезшим во власть.
Даже если костями я теперь за Отечество лягу,
Суждено нашей вере и русскому слову пропасть.

Я не верю беде, навалившейся вдруг, беспричинно,
Я не верю в судьбу, что готова Россию смести...
Да, я лягу костями, как солдату мне это – по чину,
Чтобы русское слово и веру родную спасти.

Я такой – не один. На просторах российских немало,
Тех, кто верен присяге, кто Родину любит свою –
От вулканов Камчатки до сосен державных Урала.
Мы не раз русский Кремль возвращали в неравном бою,

Через смуты любые и злые улыбки соседей
Поднимались из грязи, хотя и не лезли в князья...
Столько крови и слёз в каждой нашей священной победе,
Что не верить в Россию нам просто сегодня нельзя.

Восстановим страну и вернём нашей матери имя,
Даже если не нам доведётся увидеть итог...
Богородица нас покрывает крылами своими,
И для русского сердца открыт её светлый чертог.

2012

НАШ ГЕРБ

Орёл двуглавый распростёр крыла,
Соединив движением единым
Границу, что по сердцу пролегла,
И память, что душе необходима.

Мы – русские! И, значит, не умрём
Наперекор всем новым крестоносцам.
Не зря же змия поразил копьём
Георгий, чтобы стать Победоносцем.

2013

* * *

Родина – центр бытия,
Сердце моё и тоска.
Родина – доля моя
До тех мгновений, пока
Не перестану мечтать,
Петь, и любить, и грустить,
Чтобы землёй твоей стать,
Горькой полынью взойти,
И, разбросав семена
По косогорам родным,
Знать, что во все времена,
Буду под небом твоим.

2016

* * *

Задавал истории вопросы
Мой народ, и право, не со зла...
А в ответ из губ его, из носа
Юшка Волгой-матушкой текла.

Да и юшкой редко обходились...
Тем, кто был до знания охоч,
Руки, ноги, головы рубили
Или просто увозили в ночь.

Семь веков – жестокая наука,
Чтоб собрать страну в один кулак,
А потом за десять лет профукать...
Это ж надо умудриться так!

То ль по Божьей воле, то ль –
безбожной

Мчится время задом наперёд...
Мается Россия и, возможно,
Потому-то всё ещё живёт.

1998

ПЕРЕД БИТВОЙ

Ещё на озере Чудском взломают лёд,
И пузыри взметнутся в полынье...
И князь усталый кровь с меча сотрёт,
Сам – невредим – в порубленной броне.
И ратники по полю побредут,
Ища своих...

Но это всё – потом...

Кто будет жить, кого в бою убьют? –
Один Всевышний ведаёт о том.
Идут дружины.
Длинные щиты
У них алеют ярче, чем заря.
Ползёт обоз.

Весть принесли посты,
Что впереди селения горят.
Гремит набат.

И голоса его

Страшась, наверно, больше, чем ножа,
Стегая иноходца своего,
Изменник в стан врага спешит,
дрожа...

И под тяжёлым взглядом воевод,
Забыв свое холопство и нужду,
Вчерашний смерд рогатину берёт –
Мол, смерть красна у мира на виду!
И вьётся у околиц ребягня,
И бабы, провожая во-

ин-

ство,

Мужей знаменьем крестным осеня,
Боятся верить в скорое вдовство.

1987

ДУБ В КАЛУГЕ

Ветры столетий запутались в кроне тенистой,
Помнит кора наконечники вражеских стрел.
Сотни пожаров метали в него свои искры –
Он не сгорел и всему вопреки уцелел.

Чтобы потомками густо заполнить округу,
Птичьи ватаги и звёзды качая в ветвах...
Может, и не было бы достославной Калуги,
Если бы он надломился, согнулся, зачах!

Он непреклонен стоит, ему вечность по силе.
К небу любым из побегов своих устремлён,
Выдержит всё потому, что похож на Россию –
Русский по духу и русской землёю возвращён.

2009

ЛЕДАНТЮ

*«Придите ко мне все труждающиеся и
обремененные, и Я успокою вас».*

Надпись на могиле К. Ивашевой,
урожденной Ледантю,
супруги декабриста В. Ивашева

Есть одна приметная могила
В маленьком уральском городке.
Там лежит француженка Камила,
От своей отчизны вдалеке.

А над нею осыпают хвою
Два огромных кедра и сосна.
В край лесной заброшена судьбою
Декабриста юная жена.

За любимым!
– Нет преграды чувству –
Хоть в острог, хоть в ссылку – всё равно –
Ледантю...

А на кладбище пусто.
Потускнели надписи давно.

Ледантю...
Звучит светло и нежно.
Я стою вдали от суеты...
– Есть любовь, – кивает мне подснежник,
Выросший у каменной плиты.

1983

БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА

Сыну Алеше

1

Я – опять о березах...
Какая в них сила?
Может, та, что народу
Дана моему?

Почему, коль берёзы,
Так сразу – Россия?..
И действительно, всё-таки –
Почему?

2

Мы ножами стволы терзали,
Прикрепив жестяной желобок,
В банку светлый сок собирали,
Самый вкусный на свете сок.

Так легко наносимые раны
Забывались в мальчишских делах...
Сколько лет пролетело,
а шрамы
Всё чернеют на белых стволах!

1985

ДЕВИЧЬЕ ПОЛЕ

Владимиру Дагурову

Девичье поле, Девичье поле...
Или победа или неволя –
Сергия тень вдоль полков...
– Княже, смирись, преклоняя колено:
Только смиренье выводит из плена,
Освободив от оков.

Старец глядит – да не в очи, а в душу.
Видит, что наша Отчизна недужит,
Что промеж братьев грызня –
Не избежать столкновенья и сечи.
Кружат над полем и ворон, и кречет,
Кровью набрякла стерня.

Старец молчит. Бесконечно молчанье.
В нём – и надежда, и обещанье,
Что разогнётся трава,
Как разгибается сникшая вывья...
Будет ещё неделимой Россия,
Будет державной Москва!

Ну, а пока не угадана доля:
Здесь, под Коломной, на Девичьем поле,
Только предтеча страны...
Что же молчишь ты, мудрец ясноликий?
Может, прозрел ты крушенье великой –
Не от врагов, без войны?..

2005

БАБУШКИН ВАЛЬС

Мне бабушка этот напела романс
О юности давней своей.
Когда-то её приглашали на вальс
Гвардейцы дворянских кровей.

Поручик, я с вами сгорю со стыда...
Корнет, с вами встречу весну...
Куда вы, куда вы, куда, господа?
Меня не покиньте одну!

Вам снятся в Париже берёзки в снегах,
И волосы ваши, как снег...
А в памяти той, что вам так дорога:
Признанья, шампанское, смех...

Как холоден времени пристальный взгляд,
Как горек Отечества дым...
И юность уже не вернётся назад...
Своей не изменишь судьбы...

Поручик, я с вами сгорю со стыда...
Корнет, с вами встречу весну...
Куда вы, куда вы, куда, господа?
Меня не покиньте одну!

1999

ОТЦЫ И ВНУКИ

Был мир вокруг насквозь продымлен,
Похоже, сам себе не рад...
Но над землей гремели гимны
Гораздо громче канонад.

И даже тот, кто не был стоек,
Орал в ружейные зрочки,
Что наш,
 что новый мир построит
Всем залпам в сердце вопреки!

А нам, их внукам, остается
Искать спасение в любви,
И пятна выводить на солнце,
И строить храмы на крови...

2000

ВАЛЕНКИ

Валенки к ногам примёрзли,
В зябком инее рядно...
Столько дней скрипят полозья
Всё одно, одно, одно:
Хо-

лод-

но!

Столько дней дорогой горькой
Ссылных вдаль конвой ведёт.
Смерклось. Хутор

на пригорке.

– Здесь ночуй, кулачий сброд! –

А кулачий сброд России –

Гольтыба на гольтыбе...

В домике места – по силе:

Угол потеплей – себе!

В толчее на метр к печурке

Не пробиться слабеньким...

Вместе с кожей с ног дочурки

Мать сдирает валенки.

Плачет, доченьку жалея:

– Ох, зима морозная!.. –

...Столько лет уже болеет

Дочка её взрослая.

Столько лет хранит на теле

Шрамы,

шрамы,

шрамики...

Что же вы так плохо грели

Мою маму, валенки?

Что же вы, судьбе переча,

Не смогли её сберечь?..

Ставит мама каждый вечер

Валенки

мои

на печь.

1988

Деревня бедная пропала,
В посёлок дачный превратясь.
В ней духа русского не стало,
Оборвана с природой связь...

Зато есть «шопы», как в столице,
Есть бар, открытый до утра,
И одноразовые шприцы
В кустах у школьного двора.

И только ветхие погосты,
Церквушек утлых купола
Собой напоминают просто,
Что деревенька здесь была.

Да бабушек святые лица
В окладах ставней расписных
Как будто молят повиниться
Внучат и внучек городских,

Перечеркнувших род свой древний,
Забыв об истине одной,
Что все мы вышли из деревни –
Народом стали
и страной.

2001–2016

* * *

В. А. Ремизову

В России нет свободы, только – воля.
Она одна дороже всех свобод!
Поскольку, не судьба у нас, а доля,
И мы – не население, а – народ.

И всей цивилизации законы
Для нас мертвы...

Живём мы наобум!

То бунт кровавый, то набата звоны
Нам будоражат запоздалый ум.

И зарекаясь, видимо недаром,
От нищенской сумы и от тюрьмы,
Всё ж, не суда земного –
Божьей кары,
Как воли собственной, боимся мы.

2001

* * *

Ожидаем прихода мессии
На пороге столетий, как встарь...
Прорастает церквями Россия,
Словно порослью бывшая гарь.

Белостенны они, как берёзы,
И всё тянутся, тянутся ввысь,
Где зарницами вешние грозы
Над распутицей нашей зажглись.

И пускай не отыщешь просвета
В столкновеньях неистовых туч,
Но уже повернулась планета,
Как подсолнух, на солнечный луч.

Значит, всё перетерпим, как прежде.
Корни — в прахе, в крестах — купола...
Новый век прорастает надеждой,
Там, где раньше лишь вера была.

1998

ЗА КОЛЬЦЕВОЙ

Валентину Сорокину

За МКАДом жизнь совсем другая,
И люди, в общем-то, добрей.
Хотя не место красит – знаю,
В нём пребывающих людей,
Но хочется за МКАД скорее
И – мчаться, мчаться на восток:
Там, впереди, Урал синеет,
Как будто Каменный цветок.

Там снова ты – в России, дома,
Там от берёз светло вокруг,
И взор озёрный, незнакомый,
Разбередит всю душу вдруг,
Как будто в юности далёкой...
И, как бы ни глумился век,
Там ты не будешь одиноким,
Нормальный русский человек.

2010

ЕКАТЕРИНБУРГ

Город, расколотый напополам,
Словно само мирозданье.
Каменный Малышев смотрит на храм,
Будто бы в знак покаянья.

В бронзе – Свердлов изогнулся дугой –
Тоже, видать, виноватый
В том, что отправил царя на убой
Вместе с семьёю когда-то.

Вечным пятном, что не смыть никогда –
Как ни старайся отмыться! –
К ратушной башне прибита звезда
Города-цареубийцы.

Званье, подобное имярек,
Как пресловутый Иуда...
Помниться будет такое вовек,
Да, и... что Ельцин – отсюда.

2010

ОМОН НА МАНЕЖНОЙ...

Снова русский передел
Рвёт тугие связки жил
Тем, кто с гордостью сидел,
Тем, кто с горечью служил.

Как наколки на плечах
Звёзды, выпавшие мне.
Дым отечества – в очах,
И страна – спиной к стене.

Глухо звякает металл,
Как прощальные слова.
Я стрелял да не попал:
Слава Богу, что жива...

2010

МАРШ ДОЖДЕВЫХ ЧЕРВЕЙ

Дождю навстречу открывает поры
Привыкшая к молчанию земля.
Мы в эту пору покидаем норы,
Забыв про вековой удел червя.
Поверив в очищенье от бывшего,
И, разуму и смыслу вопреки,
Как наши предки, выползаем снова
На тротуар под чьи-то каблуки.

1989

ИСПОВЕДЬ ПАТРИОТА

Россия – страна казённая...

А. П. Чехов

В огромной нищенской стране
Живу с другими наравне,
Ограбленный законно
Державою казённой...
И лишь военный вицмундир,
Давно проеденный до дыр
Неутомимой молью,
Наедине с самим собой
Считает нашу с ним любовь
Взаимною любовью...

2011

* * *

Я многое могу простить, понять...
Запомнил, как меня учила мать:
Все люди оступаются порой –
Мудрец, и обыватель, и герой.
И, может, легче – подвиг совершить,
Чем без ошибок долгий век прожить...

Не потому ль, что сам так уязвим,
Бываю снисходителен к другим?

Лишь одного постигнуть не могу,
Как можно Родину продать врагу.
И ни за что я не пойму вовек,
Как может долг отринуть человек
И через честь свою переступить...
Такое – не смогу вовек простить!

2017

* * *

Пусть не рай – родная сторона,
Но наперекор любым поветриям,
Мне вовек другая не нужна:
Здесь живу, а коль умру, она –
Если заслужу – воздаст
Бессмертием!

2017

ПАМЯТИ В.РАСПУТИНА

«Отменили» Россию, прикрывшись названьем,
Да и то скоро станет расхожим словом...
Как, забывшие дедов святыя преданья,
Мы предстанем пред нашим Небесным Отцом?
Оправдаться пред Ним мы сумеем едва ли,
Жизнь свою проплясав под чужую дуду...
Всё, что предки столетья для нас собирали,
Созидали, пройдя и войну, и нужду,
Мы профукали или профукать готовы,
И надежды у нас не осталось почти
Кроме веры последней в высокое Слово –
То, что было вначале и может спасти...

2018

УРАЛ

Два запаха родных: полынь и хвоя
В душе не зря судьбою сведены.
Отечество степное и лесное —
Хребет мой личный и хребет страны.

Неся свой крест твердыни и оплота,
Ты не горазд на громкие слова,
Меня терпению учишь и работе,
Которая одна всегда права.

Которая останется со мною
До снега первого, до седины...
Два запаха родных: полынь и хвоя
В душе не зря судьбою сведены.

1995

К РАЗГОВОРУ О РОДИНЕ

Родина у нас одна...

В. П. Астафьев

Ты такая мне дана –
И другой не надо!
Мне в любые времена
Высшая награда –
Знать, что ты одна в судьбе,
Что б ни накатило...
Как покину землю, где
Мамина могила?

2016

* * *

А берёзки – как побелены стоят
Вдоль дороги, по которой мчится поезд.
Почернели все они по пояс.
«Штукатурка облетела...» – говорят.

Я смотрю в окно, свои дела
Вороша, как будто бомж окурки...
Жизнь моя – берёзово-светла,
И черна, где нету штукатурки.

Я и ею волен дорожить
Иль не дорожить, назло привычке...
Надо жить! Пока что – надо жить,
Хоть к окурку не хватает спички.

Надо жить... Искать с судьбою лад,
Ни о чём ином не беспокоясь...
А берёзки как побелены стоят
Вдоль дороги, по которой мчится поезд.

1995

СЫНОВНЕЕ

Перестук электрички, как пульс
На запястье страны моей сонной,
Ощутил я по-докторски, пусть
И не врач, а – военный исконный.

Но тревога такая живёт,
Будто с мамою плохо, и снова
Утешаю её:

– Всё пройдёт!

Не печалься, ты будешь здорова.
Только веру не надо терять,
И у жизни не будет предела...

А лечить тебя и защищать –
Несомненно, сыновнее дело.

2009

АЗИЯ

Ветер свистит в ковыле,
Как в оперениях стрел.
Столько эпох на земле
Снег обжигающе бел,

Столько эпох горячи
Вмятины конских копыт...
Ветер, постой, помолчи!
Ветер летит и свистит.

Кровью пропитан закат,
Солнцем пронизан рассвет.
В землю воткнувшись, торчат
Стрелы – минувшего след.

В наш прорываются век
Звонкие, как ковыли,
Сквозь обжигающий снег
Там, где тумены прошли.

2009

МОЯ РОССИЯ

Моя судьба срослась с твоей судьбой,
Твои печали сделались моими.
Как небосвод, высокий, голубой,
Твоё навеки милое мне имя.

Ты гордо красоту свою несёшь
Сквозь взгляды неприязненно-косые.
Пока ты любишь, верю – не умрёшь,
Россия, Россия!

Пройду весь мир, но в сердце ты – одна,
Твои, навеки милые просторы.
Мой отчий край, родная сторона,
Ты для меня – надежда и опора.

Вернусь к тебе я из любой дали,
Мы вместе долю трудную осилим.
Как хорошо, что есть та часть земли,
Которую Россией окрестили.

Ты гордо красоту свою несёшь
Сквозь взгляды неприязненно-косые.
Пока ты любишь, верю – не умрёшь,
Россия, Россия!

1998

АХ ТЫ, ПЕСНЯ РУССКАЯ

Ты родилась из шёпота колосьев,
Из пенья птиц, журчанья родников.
В тебе родных лесов многоголосье
И журавлей осенних долгий зов.
Ты, словно ветры вольные крылата,
Летишь им вслед над золотом полей.
С тобою всё: и радость и утраты
Делю я, как с подругою своей.

Ах ты, песня русская,
Для души отрада.
Радость моя грустная
И другой не надо.
Удаль молодецкая,
Широга без края.
В моём сердце с детства ты,
Как земля родная.

В тебе слова знакомые до боли,
В тебе раздолье, удаль и тоска,
И Стеньки Разина челны на воле,
В степи бескрайней гибель ямщика.
И в низенькой светёлке свет лучины,
И жаворонка песня в вышине,
И боль разлуки с милой на чужбине,
И отчий дом в родимой стороне.

С тобою вместе праздники и беды
Привыкли люди на Руси встречать.
С тобою шли на битву наши деды,
Тебя поёт над колыбелью мать.
Пусть новые у времени мотивы,
Порой сквозь грохот слов не разберёшь,
Но знаю, песня, что пока мы живы,
Ты с нами вместе всё переживёшь!

Ах ты, песня русская,
Для души отрада.
Радость моя грустная
И другой не надо.
Удаль молодецкая,
Широта без края.
В моём сердце с детства ты,
Как земля родная.

2007

АЛЁНУШКА

Бегом времени не тронута,
Век на камушке сидит
И печально в сердце омота,
Как в свою судьбу, глядит.

Братца ждёт
или проезжего
Удалого молодца –
Вся, как будто песня нежная,
Без начала, без конца...

Неприкаянна, доверчива
И душой чиста, кротка.
Ждать уже ей, вроде, нечего –
В стороне от большака.

...То ли радость, то ли горюшко
Обвенчают нас с тобой,
Русь моя, моя Алёнушка,
Самоцветик голубой.

2000

НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Париж увидел из окна автобуса...
Подумаешь, вот невидаль – Париж!
Названьями, что где-то есть на глобусе,
Нас на Урале вряд ли удивишь.

И я бывал в Париже и в Берлине
И через Лейпциг дважды проезжал,
Хоть должен вам признаться, что донныне
Пределов родины не покидал.

В глухом краю между Чесмой и Варной,
Просёлками средь ковылей пыля,
Я знал, что нет земли обетованной,
Чем эта, жизнь мне давшая, земля.

И, если речь ведём мы о Париже
(Пусть судят обо мне, о чуде...),
Мне тот Париж понятнее и ближе,
Где говорят на русском языке.

Где нет ни башни Эйфеля, ни Лувра,
Где местный храм – совсем не Нотр-Дам...
Но сладок дым отеческого утра,
Открытого семи степным ветрам.

2002

ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ

С. А. Аксёненко

Нельзя быть независимым от Родины,
От воздуха, от солнца, от весны...
И высохшей травинке на поскотине
Мы что-то обязательно должны.

Пусть пташки независимо чирикают,
А мы с тобой живём, благодаря...
Пусть будет наша Родина великою,
А остальное нам – до фонаря,
Что так же не зависим от лингвистики,
Как птичий гай от курса всех валют...

Но это – уже полная софистика:
Не разберёшь, покуда не нальют!

2009

СНЕГИРЬ

Памяти В. М. Шукшина

Над Пикетом алая заря,
Яркая, как грудь у снегиря.
Я недавно прикатил в Сибирь:
– Друг, скажи, здесь водится снегирь?
На Урале точно есть, а здесь?
Должен быть. Да я уверен, есть!
Потому что рощицы берёз
Светятся, как святочный мороз.
Потому что быстрая Катунь
Меж холмов светло струит латунь.

Потому что здесь встречал рассвет
Тот, кто и позвал нас на Пикет.

С виду вроде и не богатырь,
Он вобрал в себя всю эту ширь,
Чтобы задохнуться – и запеть,
Молодо рубашкой заалеть,
Чтобы видно было издали –
Есть заступник у родной земли,
Где калины горькие горят,
Где по-русски люди говорят,
Где взлетает каждый день заря,
Так похожая на снегиря...

2009

В ГОРНОМ КРАЮ

Золото берёзы, медь рябины
Над железным отблеском пруда.
Оглянувшись, проезжаю мимо,
Сам пока не ведаю куда.

Может, впереди одни утраты,
Если не считаю за добро
Платину завьюженных закатов,
Будущих рассветов серебро.

Будто никогда не знал иного —
Стали мне дороже, наконец,
Олово несказанного слова,
И надежд несбывшихся свинец.

2004

ХРЕСТОМАТИЙНОЕ

Люблю центральную Россию,
Её равнины и холмы,
Церквушки, нивы золотые,
И роц берёзовые сны.

Я в тех местах бродил немало,
Но никогда не забывал
О том, что родом я с Урала,
Что ждёт меня родной Урал.

Здесь виды сдержанней и строже –
Базальт, обветренный гранит...
Но с каждым днём мне всё дороже
Суровый, строгий колорит.

И люди, что сродни граниту:
Их гнёт к земле нелёгкий труд,
Но всё ж в сердцах у них сокрыты,
И малахит, и изумруд.

И, если уж уронят слово,
Оно надёжней громких фраз,
Велеречивых, бестолковых –
Я убеждался в том не раз.

Где б ни был я на белом свете,
Но в помыслах – всегда со мной,
И дорогие люди эти,
И неразменный край родной.

2018

* * *

Когда я буду подводить итоги,
Оставлю, может быть, такие строки,
Как маячок на жизненном пути:
Живи и помни, мой потомок строгий,
О родине, о совести, о Боге,
О радости – родиться и уйти...

2010

* * *

Сквозь ушко акведука продёрнута нитка шоссе –
Тёмно-серая штопка холщового поля России...
Предстоящей разлукой эмоции вытканы все.
Эту боль неторопко однажды с тобой мы осилим.

И сошьём из неё одеянья для новых стихов,
Покрова для надежд, открывающих дали иные,
И дорогой небесной – свободны от всяких оков –
Полетим над полями России в поля неземные.

Полетим, как ветра, не гадая, что будет потом,
У небесных дорог не отыщешь конца и начала.
И простую идею, что мы никогда не умрём,
Мы с собой унесём, чтоб живущим она не мешала...

2017

ПОСЛЕ ВЗРЫВА

*На верх недостроенной башни
Устроился облак вчерашний
И скрыл недоделку от глаз...*

В обезбашенном городе нашем
Я о взорванной башне грущу,
Что у цирка стояла на страже,
И себе оправдания ищу,
Что не вышел, не встал на защиту,
Городскую не спас «вертикаль»,
Взрывников помяная сердито
И начальству пеняя, как встарь...

Разве первая это утрата?
Помню: так же смолчал, будто трус,
В день, когда три больших «демократа»
Развалили Советский Союз.
Три «стратега», «вождя» – грош цена им...
Только, что на вождей нам пенять,
Ведь мы сами всё больше – взрываем,
Разучившись почти созидать!

...Земляки собирают обломки,
Чтобы, как сувениры хранить...
Неужели далёким потомкам
Только их сможем мы предъявить?..

2018

* * *

Я был бы вправду одинок,
Когда б меня сочла обузой
Поэзии негромкой муза
Или лишил терпенья Бог.

Когда б оставили меня
Сиротствовать на белом свете
Мои старинные друзья –
Берёзы, сосны, дождь и ветер.

Когда б на всей большой Земле
Моей бы не было России,
И очи мамины во мгле
Мне б не осветили...

2018

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Анатолию Омельчуку

Через прихожую Сибири
Рванули смело на восток:
Своё ещё не долюбили –
Уже в чужом познали толк.

Чтоб жилы рвать, вгрызаясь в жилы
Заморского материка,
Не ради призрачной наживы
След оставляли на века
На скалах сумрачной Аляски,
В могучих брёвнах форта Росс,
Чтоб сочинять об этом сказки
Потомкам дальним довелось...

Чтоб прорастала русским словом
Американская земля,
Россия вновь шагнуть готова
От стен Тобольского кремля.

2010

НА АЛЯСКЕ

Пялятся тотемы рода Ворона,
Над покатою крышею жилья.
Стайки звёзд шарахаются в стороны,
Словно, испугавшись воронья.

Мхом поросший лес хранит молчание
О давнишнем споре – кто кого...
Об открытках, сделанных датчанином,
А вернее, вовсе без него.

О простых, с мужицкою ухваткою,
Людах, что пришли издалека,
Распрощавшись с Курском, Тотьмой, Вяткою,
Да вот здесь оставшись на века –

В золоте крестов на колоколенках,
В именах, что носят острова –
Русским духом, самой малой толикой,
Что ещё в Америке жива.

Горькая, уже не знаменитая,
Но родная – тем и дорога –
Наша кровь, как ветвь, к дичку привитая,
Превратила в родича врага.

И недаром эту память жгучую
Чёрный ворон чутко стережёт,
Словно сон, что радует и мучает,
И забыть легенду не даёт.

2010

УТРО В ТОБОЛЬСКЕ

Полночь, сгорев дотла,
Выпечет новый день.
Ветер колокола
Трогает: динь-
 ди-
 лень...

Время пришло – вставай,
Радуйся и молись:
Солнышко – каравай,
Божий подарок – жизнь!

Словно в реке вода,
Небушко всё синей.
Будет стоять всегда
Кремль, что в душе твоей.

2010

* * *

Я люблю окраины России.
Здесь туманы и леса густые,
И звучит весомей как-то речь...
Здесь слова не ценятся пустые –
Слово тоже надобно беречь,
Как сухарь, как спички, как границу,
Что за речкой спящею таится,
Отделяя чуждые края...
Наша память здесь в веках хранится –
Светлая, как вешние зарницы,
Горькая, как отчая земля.

2012

ПЕЙЗАЖ

Просёлок пыльный. На пригорке
Деревня, вроде бы живая...
За ней – леса: берёзы, ёлки
Стоят от края и до края.

А надо всем – сквозное небо,
В котором облака теснятся...
Каким бы ты везучим не был,
Навек не сможешь здесь остаться.

Не от того ль, как на картину,
Что мастер написал известный,
Глядишь с тоской, почти былинной,
На крест церквушки затрапезной,

И на церковную ограду,
И на могилки на погосте...
Запомнить бы всё это надо,
Пока живёшь здесь званым гостем,

Вбирая запахи и звуки,
Весь мир – ни много и ни мало...
Запомнить, чтоб потом, в разлуке,
Душа об этом тосковала.

2012

МАГНИТКА

Рекой горящей, непокорной,
Клокочет бешеный металл.
И жар над ним, тяжёлый, чёрный,
Как над Везувием восстал.

Здесь долго быть невыносимо –
Кровь, задыхаясь, бьёт в виски.
И хочется скорее в зиму
Бежать от огненной реки.

И только мысль о сталеварах,
Что здесь бессменно круглый год,
Тебе из этого угара
Уйти спокойно не даёт,

Чтоб осознал в минуты эти,
Как из вселенского огня
Уже три четверти столетья
Страны рождается броня.

Чтоб после, выплавляя слово
Из недр своих черновиков,
Ты лица вспоминал суровых
Магнитогорских мужиков,

И эту огненную реку,
И домну, что уходит ввысь.
Но знал: стране твоей от века
Одной бронёю не спастись.

Поскольку нынче жизнь иная
И слов накал уже не тот.
Поскольку и броня не знает,
Куда она теперь течёт...

2011

ОТПОВЕДЬ

Чуть отъедешь от Москвы –
Начинается Россия.
Деревеньки дорогие
Ни живы и ни мертвы.
Вот какой-то цех, а вот
И завод стоит, заброшен...
Знать, хозяин нехороший!
А хозяин-то – народ
Был когда-то...

Всё теснее

Господа и фарисеи
Нас берут в свой оборот.
Говорят, что сплошь мы – пьянь,
Что к работе непривычны,
Что на рынках заграничных
Места нет для Вань и Мань...
Ну, а мы спокон веков
Верим в ценности иные,
И традиции родные
Носим в сердце глубоко.
В них зовётся воров вор,
А воров берут на вилы...
Только пращуров могилы
Нам единственный укор,
Что страна – уж не страна,
Что Москва – уж не столица...
Грех, ей-богу, не напиток,
Ведь пока что не война!
Грех, обнявшись, не запеть
Про Байкала ширь, про Волгу,
Про святое чувство долга,
Что не даст нам умереть!

2011

ПОЧТИ ПО ГОРЧАКОВУ

Мечта всё более судьбою окорочивается...
Душа же, будто в ней – Россия вся,
Не сердится. Она сосредоточивается,
Свой тяжкий крест безропотно неся.

И исподволь терпением муштруется,
По-христиански долю возлюбя...
И свод небесный хорошо рифмуется
Со взглядом, обращённым вглубь себя.

2013

НОВЫЙ МУРОМЕЦ

Тычут в глаза сериалы и шоу...
Надо бы выключить – двигаться лень!
Так, за просмотром поделок дешёвых,
И завершится безрадостный день.

Книги забыты, забыты молитвы,
Ну а с экрана одно – бла, бла, бла...
Сердце, как поле решающей битвы,
Вражья незримая сила взяла.

Кнопку нажать бы для перезагрузки,
И распахнуть на рассвете окно,
Вспомнив отчаянно: как же ты, русский,
В церкви, что рядышком, не был давно?

Ведь без тебя погибает Россия,
Ты потеряешь и совесть, и честь,
Если уверуешь в сказки чужие
И позабудешь о том, кто ты есть!

2013

* * *

*В Екатеринбурге памятник Б. Н. Ельцину
неизвестные облили краской, после чего
к нему приставили постовых...*

Обещался улечься на рельсы
Если не осчастливит нас, дураков...
Круглосуточно мраморный Ельцин
Охраняется от земляков.

Не отмоешь уже, не выбелишь
Образ бывшего бунтаря!
Мы его всем народом выбрали,
А теперь говорим, что зря.

И по белому – чёрной сажею:
Поделом ему, поделом!
Болью нашею, страстью нашею
«Всенародному» воздаём...

И теперь величаем «Борькою»
И уже без отчества, без...
Охраняется память горькая
Автоматами наперевес.

Караулят, как будто зверя, и
Каждый зритель – как будто зверь...
От людей, познавших безверие,
Не дождёшься любви теперь.

2013

* * *

Суздаль древний, православный –
Тридцать храмов и церквей,
Кремль, как памятник заглавный,
И венец монастырей

Над бараками пустыми,
Над продрогшею рекой...
В человеческой пустыне
Я, быть может, сам – такой,

Тишину запомнил звонкой,
Как на праздник благовест,
Всё искал в себе ребёнка,
Взгляд поднявшего на крест,

Мир приемля без укоров,
К свету белому лицом...
Мне казался этот город
Обретённым вдруг отцом.

2013

У МОГИЛЫ СТАЛИНА

В Москву приехавший Транссибом,
Встречаю красную зарю.
Зайдя за мавзолея глыбу,
Не думал, что скажу «спасибо»,
Но почему-то говорю –

Ему, «усатому злодею»,
За то, что Троцкого свалил,
А с ним и прочих лиходеев,
И – самый главный – всех беднее,
Непритязательнее жил.

Ещё за то, что с ним из ямы
Сумела выбраться страна,
И открываться стали храмы,
И в завершение страшной драмы
Победой кончилась война...

И не погибла мама в ссылке,
И смог на свет явиться я,
И что меня встречала пылко,
Без недомолвок и ухмылки,
Отчизна милая моя...

Ещё за то ему поклон мой,
Что я ГУЛАГОВ не застал.
Хотя и в январе рождённый,
Всё ж по весенним жил законам –
Не доносил и не стучал.

И знал, что правда лжи сильнее,
И все пред истиной равны...
Лежат герои и злодеи
В земле родной, и в мавзолее,
И чуть поодаль – у стены...

А нам и тем, кто будет следом,
Не то чтоб славить иль пенять, –
Пристало радости, и беды,
И пораженья, и победы
Как память общую – принять.

2016

ДАВНЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Я был в мавзолее у Ленина –
И вышел в смятении чувств.
По площади брёл неуверенно,
Шагов своих слушая хруст,

Пытаясь забыть эту мумию
С отливом желтушным во лбу,
Терзаясь, как будто безумием,
Что он неприкаян в гробу,

В насмешку судьбе и традиции
Лежать столько лет обречён,
Чтоб мы под надзором милиции
Ходили к нему на поклон.

Чтоб, выйдя с душой онемелою
Как будто бы из-под земли,
Брусчаткой – то красной, то белою –
Навстречу прозренью брели...

2016

ПОЧТИ ПО ТВАРДОВСКОМУ

...Да, никому не скрыться, не сбежать
От приговора новых поколений...
Тать и в грядущем будет зваться – тать,
А гений, он и завтра будет – гений.

Но мы-то днём сегодняшним живём,
Сегодня совершаем то, что можем.
В позоре или славе – все умрём.
Да, все умрём.

Но всё же,

всё же,

всё же...

2016

ДЕНЬ РОССИИ

Что за праздник – «День России»,
Если каждый день со мной
Небосвод бездонный синий,
Ветер солнечный шальной...

Неделимая, святая,
Разноликая, моя,
Вся – от края и до края –
Предков горькая земля...

То ухабы, то прорехи,
То восторги, то беда –
Исторические вехи,
Дни сражений, дни труда...

Где отыщется мессия,
Чтобы мне растолковать:
Так какой из дней России
Днём России называть?

2016

* * *

Не нужен нам берег турецкий...

М. Исаковский

Запах южной ночи – из окна –
В самом центре Среднего Урала...
Выжег зной округу, и она
Африканским континентом стала.

Даже ночь спасенья не несёт,
Лёгкий ветерок наполнен жаром...
Вентилятор старенький трясёт –
Не по силам зной приборам старым.

Не хватает здесь одних цикад,
Но они уже не за горами.
Пару лет ещё, и – прилетят,
И пропишутся навеки с нами.

Я же всё об осени грущу,
О прохладе, в воздухе разлитой...
Рифму подходящую ищу,
На цикад заранее сердитый.

Жду, когда же на привычный лад
Перейдёт российская погода
И дожди со мной заговорят
От лица родного небосвода –

О своём, о нашем...

Из окна

Мне предстанет мокрый лик квартала:
Африка нам точно не нужна,
Как моя эпоха распевала.

И турецкий берег – не для нас,
Он нам, видит Бог, не нужен тоже...
Разве только – Родины приказ,
А приказы обсуждать негоже!

2016

* * *

Осень начальная, ранняя –
Лето едва отцвело.
И у природы во храме мне
Благостно, тихо, тепло.

Так вот, бывало, у матушки:
Милый родительский дом,
Чай и румяные шанежки,
Радость во взгляде родном.

Солнца улыбка до вечера
Мамин висок золотит...
Как же светло и доверчиво
Мама в глаза мне глядит!

...Ожил в воспоминании
Мир мой, куда не вернусь...
Осень начальная, ранняя –
Вечная, светлая грусть.

2016

СЕКРЕТ

Николаю Рачкову

От Рублёва до Рубцова
Пролегла святая Русь.
В основанье – Божье слово,
В самой сердцевине – грусть.

Потому что изначально
Есть в творении любом
Свет любви исповедальной –
Тайна жизни скрыта в нём.

От Рублёва до Рубцова
Открываются глаза:
Освящает Божье Слово
И стихи, и образа...

2008

РОДИМЫЕ ПЯТНА

На теле – родинки, родные метки.
Так прорастает Родина во мне:
Её земля, её травинки, ветки
И облака в небесной вышине.

Скрип снега и восторженность капли,
Пичуги песнь, дыхание морей
И память предков, тех, что прикипели
К стране не самой ласковой моей.

Служили ей до окончанья века,
Потом смогли самой Россией стать,
Чтоб родинками этими, как эхом,
Меня из дальней дали окликать.

2008

ЦАРСКАЯ ФАМИЛИЯ

Будничная повесть

*Василию Ивановичу и
Зинаиде Петровне посвящаю*

1

В краю вечнозелёных помидоров
Дитя казённых, длинных коридоров,
Я выросал из френча своего,
До времени не ведая, в кого.
Мой рост под микроскопом изучая,
Бог, головой обкуренной качая,
Меня хранил, пока я молод был,
И не пустил нечаянно в распыл.
Знать, для иного приберёт сюжета,
Благословив на крестный путь поэта.
Была ко лбу на долгие года
Пришпилена антихриста звезда,
И всё ж в душе моей, как вера в чудо,
Жила надежда в то, что всходы будут...

Я, так случилось, медленно взрослел
И, постигая бытия законы,
В науках разных много преуспел,
Набором догм на целый век подкован.
Но бабушкин хранился образок
В моём кармане рядом с партбилетом.
И по ночам ко мне являлся Бог –
К нему я обращался за советом.
Когда вдруг сердцу становилось тесно
От всех моих сомнений и тревог,
В казарме сонной, там, где потолок,
Сиял лучами нимб его чудесный...
Не знаю, он помог иль не помог?
Но голоса не слышал я другого,

Влача вериги тяжкие дорог,
В конце которых всё равно Голгофа.
А где-то посредине – Божий храм,
Привал, где мне обещано спасенье...

Я этот день запомнил – воскресенье,
Когда я в тридцать шесть крестился там.
Вот тут и зарождается сюжет...
Со мной крестилась дядина супруга.
Меж нами – где-то двадцать с лишним лет,
Но очень уважали мы друг друга.
О родственнике – ниже, а пока
О тётушке... Она – из молокан,
Из тех, кто со Всевышним напрямик
Общается, но на Христовый лик
Не крестится и не кладёт поклоны,
Уверенный и, может быть, резонно,
Что вера – это вовсе не иконы...

А дядя мой – полковник-отставник.
Директор оборонного завода.
Безбожник, матерщинник, озорник,
Ну, в общем, квинтэссенция народа
Советского...

И тётя потому,
Не то, чтобы перечила ему,
Но потихоньку к Богу приближалась,
К советскому испытывая жалость...
И вот, когда полвека за спиной,
От молоканства дабы отрешиться,
Она в воскресный день пошла со мной
В московский храм окраинный креститься.

Родню пора представить...

Дядя мой –
Чапая тёзка и, как он, герой!
А тётю звал я просто «тётей Зиной».
И, коль мы вместе приняли крестины,
Считал своею крестною сестрой.
Она в повествованье – персонаж,

Поскольку с ней вдвоём виток сюжета
Распутывать крещённому поэту,
Кoим является слуга покорный ваш.

2

Покорный... Тут я, право, перегнул –
С покорностью всегда дружил не очень,
За что и схлопотать не преминул
От девушек десятка два пощёчин.
И от начальства – грамот, в полный рост...
И на погоны – много разных звёзд.
Вот только на последней оступился...
Служить бы рад, но тут земляк явился
И президентством всё перевернул,
И зашатался мой казённый стул...

Я дядиной стезёй шагал упрямо,
Хоть – озорник (куда мне до него!)...
Но слово «честь», оно почти как мама.
И офицер почти как сын его.
За то мы с дядей тосты поднимали,
Когда крестины наши обмывали.
Был дядя пьян, и я навеселе –
Подыгрывал ему на балалайке,
А тётя Зина, славная хозяйка,
Закуски обновляла на столе.

У нас в России отыскать бы повод,
А дальше – лишь в стаканы наливай...
За Родину! За Рождество Христово!
За армию!.. А ну-ка, запевай!

ДЯДИНА ПЕСНЯ

Слыла непобедимой,
Считалась легендарной
По молодости лет и в зрелые года...
Мой дом – не хата с краю –
Курсантская казарма.
Хэбэ – моя одежда.

Щи с кашею – еда.
Суворовская школа –
По жизни – альма-матер.
Отцовские советы – наряды старшины.
Мужская грубоватость
С изрядной долей мата,
С которым, между прочим,
наряды не страшны.

Ах, как судьбой гордился!
Ведь было чем гордиться...
Погоны и петлицы,
На брюках – алый кант...
Служил, как нас учили,
Не знал, что так случится:
И на родной землице
Ты, словно оккупант...
Цивильные наряды предпочитаешь форме.
Слова своей присяги не смеешь повторить...
Бесправьем и хулою Отечество нас кормит,
Чтоб армию чужую когда-нибудь кормить.
Что ж, жизнь необратима...
Пусть даже небездарна.
Нам не бежать из Крыма, ведь он – уже не наш...
Слыла непобедимой,
Считалась легендарной.
Та, что теперь, похоже,
Не перейдёт Сиваш...

.....
Допелся дядя – вырос в аналитика!
Бай-бай пора, коль в песне всё – политика!
Я лично в эти игры – не игрок,
Хоть партбилет на площади не сжёг,
И в том, чем жил при нём, ничуть не каюсь.
Но и в карман, туда, где образок,
Вернуть его навеки зарекаюсь.
Тут, дядя, призывай – не призывай,
Я водку стал предпочитать «Кагору»...
Чтоб не глотать напитки без разбору,
Мне красного – прошу, не наливай!

Когда крестины наши мы обмыли,
 Закончив миром праздничный обед,
 И дядю до дивана проводили,
 Где он уснул спокойно, как дитя,
 То о событиях всех прошедших лет,
 Полковника на сон перекрестя,
 До полуночи с тётёй говорили.

О маме самый главный разговор.
 Ей с детства предначертаны страдания,
 Поскольку имя выпало Христа...
 И до сих пор – истории укор –
 Правителям не будет оправдания
 За ссыльные сибирские места,
 Что проредили мамину родню.
 За церкви, обезглавленные лихо.
 За то, что все – от мала до велика –
 Мы медленно идём ко дну, ко дну.

Досталась маме горькая судьбина...
 Одно спасибо, что не умерла...
 А то – меня бы не было в помине.
 Но мама, как положено Христине,
 По-христиански не приемлет зла.
 Его не помнит... Но беседы с нею
 В моей душе пустили корешки.
 История рождает эпопеи,
 А состраданье, может быть, стихи.
 Так боль, переплавляясь, станет светом,
 А мальчик-безотцовщина – поэтом...
 Но речь ведём сейчас не обо мне,
 А о моей бесчисленной родне.

И то сказать, по свету нас немало...
 Одно зерно в Америку упало,
 И там, в троюродных, есть даже негр...
 Сестрица с Украины учудила,
 Взяла и мексиканца полюбила –

Теперь у них – известный инженер.
Ещё одна – так та за итальянцем...
Короче, все мы в чём-то иностранцы
В родной стране с фамилией на «ан»...
И не понять: кто – немцы иль евреи,
Хохлы иль белорусы?... А точнее,
И ту, и эту кровь в себе лелея,
Несём по жизни званье россиян!
И где бы ни мотало нас по свету,
По предков наших памятному следу,
Мы шар земной по кругу обойдём,
К родне московской в гости попадём.

4

Моя московская родня
Любила, в общем-то, меня.
Так, как Москва Россию любит...
Всему, конечно, голова,
В своих амбициях права,
Она прищельца приголубит
На день иль два...
И – извините:
По счёту надобно сполна
Платить, а если не хотите
(Вас много, а Москва – одна!),
Тогда «адъё», мой друг, «вале» –
Всё даром только лишь в Кремле!

Я квартирантом жил, бывало...
Родня, бесспорно, уставала.
И я, бесспорно, уставал
От нищеты и униженья
Быть в том бесправном положении,
Которое как одолжение
От тех, кто сам нужду познал.
Но не на век же гостеванье –
Я утешался тем всегда,
Что, слава Богу, расставанье
С Москвой нас примирит тогда,
Когда за окнами вагона

Тихонько поплывут назад,
Столбы Казанского вокзала...
А там – замельтешат в глазах
Все полустанки, перегоны,
Которыми земля связала
С Москвой Урал,
Где – мой причал.
Где понимаешь, в свой черёд,
Что хоть Москва – страны столица,
И ею должно нам гордиться,
Но не Москвой страна живёт!

Она живёт сама собою,
Где то же небо голубое,
Где повседневный труд, как крест...
Да-да, Москва – не вся Россия.
И не к лицу ей роль мессии –
Такой в райцентре каждом есть!
И, всё ж, Москва, чей звук любой
В Сибири эхом отзовется,
С тобою связан я судьбой,
Как связано ведро с колодцем.
Твоя наука тем ценна,
Что в жизни может пригодиться...
А если уж не смог напиться,
Так, знать, ведро совсем без дна.

Я нахлебался до краёв
Твоих сует, проспектов, чаю...
Я по тебе, Москва, скучаю.
Вот так выходит, ё-моё...
Хоть свой Урал не променяю
На твой купеческий расклад,
Но новой встрече буду рад.

Пока же помнится бывшее:
Театры, выставки, Арбат,
Где я любовью молодой
Был, как сушняк огнём, объят.
Где всех икон твоих оклады

И всех церквей колокола
Меня венчали с той, что рядом
Со мною в миг весны была.
Где, как итог любых идиллий,
Твоих вокзалов сквозняки
И паровозные гудки
Нас с нею тут же разводили
Страстным бульваром в тупики,
На круги прежние, на круги...
К мужьям и жёнам на поруки...

Звучи, звучи, мажорный туш,
Во славу и спасенье душ!

ИСПОВЕДЬ О ЛЮБВИ

Как Петр отрёкся трижды от Христа,
Я от любви спешил отречься всеу...
Жизнь начиная с чистого листа,
Предательство скрывая в поцелуе.

Умеют лгать и страстные уста.
Иудин поцелуй – один из ста!

Куда как чаще предаёт нас слово:
Одно из двух, оно, увы – Петрово.
Пока ещё не прохрипел петух,
Неискренне оно – одно из двух!
Но до зари нам не дано иного...

Из двух одно – идёт от сердца слово.
И откровеньем этим дорожа,
К любви стремится каждый миг душа
На грани притяжения земного.

Прощая нам, обид не вороша,
Любовь опять нам сердце открывает
И душу добрым светом омывает,
Которым и спасается душа.

На круги добрыя своя
 Стремится встать душа моя.
 Любить людей и верить ближним,
 И дальним верить однова.
 И никого не мыслить – лишним...
 Идея, право, не нова.
 Но не затасканы слова,
 Поскольку так несовременны.
 И нравственные перемены
 В них обозначены едва...

На круги добрыя своя
 Стремится встать душа моя.

Всё это было, было, было...
 Открытий здесь не совершить.
 Но недоверием постылым
 Нет сил душе душою жить,
 И поиск солнечных традиций
 Вотще не может прекратиться,
 Хотя бы для души самой...

Так обещенной девице
 Всё снится с белою фатой
 Кортёж, алтарь и муж законный...
 И мимолётные вороны
 Не могут грёзы отпугнуть.

Непоправим наш крестный путь,
 Поскольку он не нами избран,
 Верней, не нами проторён...
 Мы, как слепцы во время «измов»
 Бредём во тьме с поводырём,
 Которого не знаем даже...
 А если б знали, всё равно –
 Душа всё видит и подскажет,
 Где Божий свет, а где – темно.
 И пусть наш путь идёт по кругу,

Суля грядущую разлуку,
Стремится встать душа моя
На круги добрыя своя.

.....
С моей сестрою во Христе
Мы о душе пеклись немало.
Всё тётя Зина понимала,
Хоть знала похожденья те,
Какими хвастать не годится...
Да, ведь не всё свята водица!
Была б душа твоя чиста...
Покайся, и тебе простится
Мирская эта суета!

И во спасенье племяша
Молилась тётя и говела,
И приобщить меня хотела...
Да, вот не вышло ничего...
Однако, добрая душа
В богоугодном этом деле
Добилась всё же одного –
Меня подбить она сумела
На крестный ход... К кому? – К царю!
Он на Тайнинке, где-то рядом,
Стоит, как будто на параде,
Встречая вешнюю зарю.
И кто ж он? – Ясно, Николай,
У вас, в Свердловске, убиенный...
У нас же – памятник отменный...
Ну-ну, рассказывай, давай!

ТЁТУШКИН РАССКАЗ

Вместо Феликса в шинели
Водрузить царя хотели
Да, сробели, не посмели,
Так как мэр не разрешил...
Что, мол, кланяться иконе –
Царь другой теперь на троне,
Да и тощий Феликс в схроне

Злобно губу закусил.
Ждёт, когда бывлые флаги
Пролетарские ватаги
Водрузят над всей страной,
Чтоб вернуться на Лубянку...
Нет, нельзя дразнить охранку,
Пусть хоть трижды царь святой!
Быть ему – слуге народа –
Средь унылых огородов,
Обратясь к Москве спиной.
Благо, церковь перед взором...
Но вокруг полно дозоров,
Чтоб сбежать не смог больной...
Хоть отлит он из металла,
Боль смиреннее не стала
У полковника в груди.
За Россию, за Державу
Он тревожится по праву –
Знавшего хулу и славу
На земном своём пути,
Что назвать не стыдно «крестным»...
И душе в металле тесно,
Хоть и памятник красив.
Он – полковник. Ты – полковник.
Но кому из вас спокойней,
Не ответишь, не спросив...

6

На выходные выбор пал,
Когда мы в крестный ход пустились.
Но и лукавый, зная, не спал –
Мы как-то странно заблудились.
Конечно, это – не беда,
Что электричка – не туда.
И то, что станция – Тайнинка –
Совсем деревне не родня.
И надо топтать по суглинку
К другой Тайнинке аж полдня.
Беда в другом: нельзя сойти
С тропы, как с крестного пути,

Кругом – болота, камыши...
Лишь в отдаленье, за пригорком,
Церковный звон – маяк души,
Что запеклась от жажды коркой
И просит дать воды живой...
Но точно вымерла округа...
И только ястреб контур круга
Чертит крылом над головой.
И солнце как топор над плахой...
И мы со спутницей моей
Шагаем медленней, трудней,
Припоминая детства страхи.

ИСПОВЕДЬ О СТРАХЕ

Как больно рвёт железо плоть...
И всё ж большее пониманье,
Что ты не сможешь побороть
Животный страх перед страданьем.

Скользя загривком по столбу,
На перекладине распятый,
С людским проклятием во лбу
Страх молит у судьбы пощады.
Как будто не равно – забыть
О солнце в тесной домовине
Или прощения просить
У скособоченной осины.
Как будто есть иной удел
У тленной нашей оболочки,
Чем вдруг остаться не у дел,
Где – мрамор, тишина, цветочки...
Душа же – птицей – в свой предел
Взмывает, превращаясь в точку.
Потом – в звезду, чей ясный свет
Ещё когда-нибудь вернётся...
Но страх, пока она – во мне,
Как сердце, аритмично бьётся.
.....
Чего боюсь? Да всё того же,

Чего боялся в детстве я:
Полночной тьмы да кары Божьей,
Да тропки, где ползёт змея...
Боюсь – седеет быстро мама,
И мамин век – на волоске
Дрожит, как жилка на виске...
И я в семье вдруг старший самый.
Боюсь – на жизненной стезе
Вдруг изменить себе. В себе
Найти бесчестью оправданье...
Боюсь – когда-то, в горький миг,
Поймать в глазах друзей своих
Презренье вместо состраданья.
Боюсь. Не трушу, но боюсь –
Уйти, любовь свою покинув
У века страшного в горсти...
И оттого с судьбой борюсь,
Что страх, как совесть, не отринуть,
Покуда дух не испустил.

7

Нас страх спасает от беды...
Мы с тётей в поисках воды,
Что жажду духа утоляет,
Взошли на гору и нашли
Того, что звали Николаем...
Он – в мантии из горностаев,
С державой, скипетром в руках,
Но – точно пленник у эпохи,
Чьи – на свободу выйти – сроки
Не могут подоспеть никак.
Вокруг царя и впрямь ограда
Да огородики селян.
Ещё какой-то рынок рядом
И чуть поодаль – Божий храм,
Где царь с семейством ставил свечи...
Не зря мы топали полдня!..
Но путь пройти к царю – полегче,
Чем лай цепных собак унять!..
Они к царю нас не пустили,

Так, как ведётся на Руси
(Уже не в старом, в новом стиле).
К царю? – Да Боже упаси!
Вдруг бомбу адскую подсунут
Иль правду вздумают сказать?..
Здесь челобитную подать
Чиновный тать мешает втуне.
И даже мёртвый царь – запрет,
Коль денежек на взятку нет.
Нам у казённого забора
Битюг с дубинкой дал ответ,
Достойный жулика и вора:
– Закрыт сей царственный объект!

Мы долу очи опустили
И было прочь поворотили
(С дубинкой, верно, спор плохой.
А царь, он – бронзовый, глухой...),
Но, завернув за огород,
Идти надумали в обход...
И вот пошли мы с тётей Зиной
По тропочке, сминая глину,
До постамента, до того,
Где и стоит полковник в царском
Одеянии мытарском,
Словно не с плеча его.

Для свиданья нам – минута...
Только – развернуться круто
Да прощенья попросить
За подвал в расстрельном доме...
Что уж кланяться иконе,
Не умея лоб крестить?

8

Вот и пришла с Москвой разлука –
На становой хребет пора!
Мне дядя пожимает руку,
А тётя – крестная сестра –
Вдогонку крестит поезд скорый...

– Надеюсь, свидимся! Пока!..
...Купе. За окнами – просторы.
А здесь и чай, и разговоры
Под окном у проводника.

Соседи – пара молодая.
Он – эмвэдэшник, а она –
Да просто мужняя жена.
Болтаем, время коротая –
На то дорога и дана.
– Вы слышали: царя взорвали!
– Был памятник недавно цел...
– По НТВ передавали!
– Я новости не посмотрел...
Тогда, послушайте.
– Конечно...
– Я постараюсь всё – точь-в-точь.

РАССКАЗ ПОПУТЧИЦЫ

Охраны не было в ту ночь –
У нас вот так в России вечно!
Заряд сработал на заре,
Как утверждают, очень рано.
Сметённый толлом постамент
И тела царского фрагмент
Стране показан был с экрана.
– Судьба – достойная тирана! –
Вот так сказал корреспондент –
Один из тех, кто смел за сим,
Что бронза не ответит им...
А нас уже не удивишь
Крушеньем чьих-то пьедесталов.
Мы – скифы, варвары то бишь...
Нам быть иными не пристало,
Поскольку наше имя – тьма,
А суть – безгласная скотина...
Такая мрачная картина –
Царя осталась половина
И та, простите, без ума...

Без головы... Её кочан,
Весь покорёжен динамитом,
Как череп, найденный пробитым,
Под Коптяками, где-то там...
Какая странная судьба –
Быть обезглавленным и дважды...
– Но два же клюва у герба...
И клюнуть вас желает каждый!
Не надо отводить глаза
От этих бронзовых обломков.
Вдруг проберёт роса-слеза
Родства не помнящих потомков?

Прожить свой век и умереть –
Удел идей и человека.
И бронзе трудно уцелеть
В объятых гибнущего века...

Вмешался спутник в разговор,
Задетый чем-то за живое:
– К чему научный этот спор?
Пойдёте подымить со мною?
– Я, извините, не курю –
Считаю это дело травлей...
Но вам компанию составлю,
Охотно рядом постою...

Нам тамбур двери растворил.
И, затянувшись сигаретой,
Попутчик мой заговорил:
– Вы служите, как видно, где-то?
– Служу. Военный журналист.
– А о Чечне уже писали?
– Я не был там. Пред Богом чист...
– Все сразу чистенькими стали.
А вы послушайте меня.
Вот тут горит и не проходит
Закат декабрьского дня,
Когда к ним, в Грозный, полк наш входит...

ИСПОВЕДЬ ПОПУТЧИКА

И мальчики кровавые в глазах,
И новогодний тост, как злая шутка...
Почтамт, больница, молзавод, вокзал
И площадь под названием «Минутка».
Не Курская дуга, не Сталинград,
Хоть поле боя – всюду, поле боя...
Тем мальчикам героями не стать,
Пусть даже и погибшим, как герои...
О, Родина, доколе – мне ответь –
Ты будешь прозревать такой ценою,
Где сыновья, идущие на смерть,
Тебя не ощущают за спиною?

.....
Он замолчал и молча докурил,
Окурок раздавил ногой, как гниду...
– Жалею только: мало их убил... –
Вдруг выдохнул жестокую обиду.

Кого? Чеченских женщин и детей?
Боевиков – защитников Аллаха?..

Мир потерял рассудок от смертей.
Мир поглупел от горя и от страха.
Не от того, чем лечится душа,
А от другого – равного проклятью...
Легко, до основанья всё круша,
Забывать: ещё вчера мы были – братья
И нам был дан единый светлый дом,
И в этом доме не было нам тесно...
Ещё вчера мы шли одним путём,
Не думая, что он вдруг станет крестным.

9

Двадцатый век идёт к исходу.
Он дал нелепую свободу
Всем тёмным мыслям и страстям.
Он, этот злой научный гений,
Пророс над веком песнопений,

Оставив стыд и душу там.
Восстал над пеплом Хиросимы
Предтечей третьей мировой...
И изменил любовный климат
Секс безопасный, деловой...
Принёс кошмарные болезни –
Теперь о СПИДе пишут песни.
Взамен открытиям души
Гашиша рай и анаши...
А самый верх народовластия –
Бить по парламенту со страстью
Из танков собственных в упор...
Печален этот разговор.
Но начат он не по приказу
Иль социальному заказу,
А оттого, что больно тут –
В том месте, что душой зовут.

...Я снова дома, где уют,
Где всё привычным ладом дышит.
Где грохот улицы не слышен,
И где меня, конечно, ждут
Из всех дорог родные люди –
Мной обрётённая семья.
Переступив порог, забуду
И века гнёт, и гонку дня.
О счастье говорить – не модно,
Когда вокруг такой разлад...
В ночи звонок междугородный –
В мой дом откуда-то звонят.

РАЗГОВОР ПО МЕЖГОРОДУ

– Привет, племянник! Это – из Москвы...
– Алло!
– У телефона – тётя Зина.
С Христовым праздником тебя, родимый!
– Спасибо, дорогие! Как там вы?
Как дядя?
– Жив... Привет передаёт

И тост во славу русского оружия!
– Что – сильно пьёт?
– Да кто ж теперь не пьёт,
Когда в стране так холодно и вьюжно?..
Я вот ещё хочу тебя спросить:
Тут всё трещат про царские останки...
Ваш губернатор с центром перебранку
Затеял, где их нужно хоронить.
Я думаю: безбожники – они...
А что, племянник, скажешь ты об этом?
Черкни письмо. Я буду ждать ответа.
Не сможешь, так, хотя бы позвони...

.....
Алло! Алло! – Но в трубке лишь гудки,
Да за окошком зимний ветер стонет,
Как зуммер во вселенском телефоне...
Всем чайньям живущих вопреки
Всевышний не подходит к аппарату.
Он занят. О России он забыл...

А нас опять толкают брат на брата
Всё те же осквернители могил!
Как будто есть за всё одна расплата –
Столкнуться лбами, кости поломать...
Они – за ту, а мы – за эту рать!
Во флагах разобраться трудновато,
Зато легко карманы набивать,
Когда в стране хозяйничает тать.
А где народ? – Народ на баррикадах.
Ему бы только символ отыскать,
За койи можно драться... И – порядок!
За Родину! За веру! За царя!
А нет царя, так – за его останки...
А там опять введут в столицу танки.
А там опять гражданская война,
В которой победим!.. Да, только, на...
На что нам эта пиррова победа?
Ведь так всегда: воюет гегемон,
Но результатов не дожждётся он...
Ведь шакальё всегда плетётся следом.

И миром правит именно оно!
Алло! Алло! Да, видно, Бог не слышит –
Иль он устал и мемуары пишет,
Смотря на век двадцатый, как в окно...

ИЗ ПИСЬМА РОДСТВЕННИКАМ

Останки царские хороним...
Почти столетье в обороне
Их у дороги стерегли –
Себе поверить не могли
В том, что такое сотворили:
Убили, кислотой травили,
Потом кромсали, рвали, жгли,
По миру сеяли сомненья,
Чтоб скрыть такое преступленье,
И дом Ипатьевский снесли...

Теперь настало очищенье...
Не важно чьё захороненье
Здесь, на Урале, мы нашли...
Давайте плакать, бить поклоны,
Носить монаршие знамёна
И тех в миру благодарить,
Кто приказал когда-то срыть
До основанья нашу память –
А нынче плачет вместе с нами...

А что останки? А костям
Смешно затейливое рвенье.
Ведь души праведников там,
Где президентское правленье
Не в силах ничего менять...
Они, Россию не кляня,
Давно свой крестный путь познали,
В том, приснопамятном подвале,
Где двадцать три ступени вниз
Как двадцать три ступени к Богу...
На этой истинной дороге
Следы времён пересеклись.

Цари со слугами сроднились,
Поскольку крестный путь – един.
Не важно: раб иль господин –
Для душ, что к небу устремились.
И нам, ну как нам – не грешно
Над Божьим промыслом глумиться
И отделять царя с царицей
От тех, с кем вместе всё равно,
Им, неприкаянным, молиться
За нас, за суетных, за век,
Которым вряд ли б стал гордиться
Принявший Бога человек?..

10

Всё, слава Богу, утряслось:
Там, наверху, сошлись на сходке,
Решив за рюмкой доброй водки
Не хоронить останки врозь...
И, закрепив указом сделку,
Нашли на карте место – здесь!
И наш взбрыкнувший губернатор
Ответил, примирившись:

– Есть! –

Ведь так положено солдату
И истинному демократу...
А мне пора бы знать и честь,
Ведь повесть близится к финалу.
Пусть впереди забот немало,
Но всё ясней пути итог...

Чего ж ты, Лира, замолчала?
А ну, смахни слезу, дружок!
Богиням плакать не пристало...
Да и какой от плача толк?
Простимся. Ни к чему сомненья!
Как говорят, что смог, то смог...
Своей эпохи отраженье –
Не Нестор и не Карамзин –
Я записал души движенья
Всех дядей вась и тётей зин...

И, как Высоцкий пел в запале,
Пора бы сбегать в магазин.
Забыв о сумрачном подвале,
Где Николая расстреляли,
Как будто он – простолюдин...
Забыв об армии забытой,
И обездоленной стране,
Купить целительный напиток,
Который не поможет мне.
Но, чашу горькую приемля,
И бестолков, и нелюдим,
Пить и за небо, и за землю,
За крестный путь – для всех один.
Пить, помаленечку трезвея,
За Божий дар – прожить свой век
И след оставить на земле,
Чтоб стал наш мир чуть-чуть добрее.
За умолчания закон –
Спасение для стихоплетов...
Когда б не он, ещё б – работать
Без отдыха, когда б не он...

А так – покину я легко
Читателя в недоуменье:
На чём закончил я творенье?
Куда взлетел я высоко?
Какие высказал идеи?
Зачем так завернул сюжет?
Скажу одно, за вас радея:
У повести финала нет!

Итог в себе лелеет каждый
Сегодня, завтра и вчера,
Звезду с крестом скрестив отважно
Et cetera, et cetera¹...

1996–1998

¹И так далее, и тому подобное (лат.).

В ГОД СПАСЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

С книг слетает позолота,
Исчезают имена...
Да и книги неохота
Брать в такие времена.
Чтобы горечь – через руки –
Их безжалостно рвала,
Как в войну – на самокрутки...
Так ведь то война была!

А теперь – иная бойня:
Самокрутка – целый мир...
Спите, классики, спокойно:
Пушкин, Гёте и Шекспир.
Спите, милые, не трону
Вас небрежною рукой...
Занимаю оборону,
Хоть и воин – никакой.

Пусть иной считает кто-то,
Будто чтенью грош цена.
Облетает позолота,
Остаются имена,
Чтоб узнала их планета
Лет, так скажем, через сто...
Умирать легко за это,
Потому что есть за что...

2007

* * *

Когда сойдёт июльская жара
И август обозначит перспективу
Грядущих холодов,
Наступит понимания пора,
Как просто быть счастливым
Среди сентябрьских золотых садов,
Откуда дачники вывозят урожай
В своих авто, тяжёлых, словно танки...
Оставив возле яблони останки
Хозяйского былого куража
Для перелётных птиц...
И ты, среди них
Торчащий, словно пугало, без толку,
В себе отыщешь старых дум осколки,
Будто в альбоме на забытой полке
Изображения забытых лиц.
О, как светло осколки разбирать,
Смеяться и грустить попеременно
И перспективу жизни принимать,
Как женщины единственной измену,
Ей всё прощая...
В этом весь секрет
Такого неожиданного счастья...
Как нет плохой погоды у ненастья,
Так без ненастья и хорошей – нет.

2007

ДВЕ РЕКИ

Когда бы шёл с востока русский меч,
Являясь порождением ислама,
Могли бы Волгу Камою наречь,
Поскольку полноводней, шире Кама.

Но русский меч был породнён с крестом
И шёл встречь солнцу, аж до океана...
И Волгу – Волгой мы с тех пор зовём,
И первой стать уже не может Кама.

Но в том и сила русского меча,
Что как бы вера с верой ни сплеталась,
Да только Кама, камушки меча,
Всё пережить смогла, собой осталась.

Не поддаваясь пришлому уму,
Амбициям своим не потакая,
Она впадает в Волгу потому,
Что сильная и добрая такая.

И ей не страшно – всю себя отдать
Другой реке, навеки слившись с нею...
Она душе доверчивой под стать,
Что, лишь смирившись, выстоять сумеет.

2007

РУССКОЕ НЕБО

Высокое, безмерное бывает,
А то, напротив, гнет тебя к земле...
В нем горький дым Отечества витает,
В нем наше солнце прячется во мгле,
Чтоб засиять однажды добрым светом
Для сыновей своих и дочерей...
Зовется небо русским,

но при этом

Ему – равно: каких мы все кровей.
Оно одно!

И до скончанья века

В душе моей пусть не иссякнет Русь,
Пока дышу я этим вечным небом,
Пока по-русски я ему молюсь.

2004

* * *

Что будет с Россией – не знаю,
Но верю, что будет жива.
Восходит трава молодая,
Лишь солнце воспрянет едва.

И в мрачное времечко даже,
Когда не увидишь восход,
Растёт она, травушка наша,
Не ввысь, ну так в корень растёт!

Копытьте её и топчите –
Трава распрямится в свой час.
Одно лишь при этом учтите:
Она прорастает сквозь нас

Как эта эпоха глухая,
Как мудрости вечной слова...
Что будет с Россией – не знаю.
Растёт молодая трава.

2009

ВО ВЛАДИМИРЕ

Летят облака, будто конники,
Над Клязьмой – светлы и легки.
Маячат вдали колоколенки –
Для русской души маяки.

Стою у тебя на околице,
Святая и древняя Русь.
Вот-вот за небесною конницей
Вдогонку и я соберусь.

Туда, где по рангу построены,
Ряды подравняли свои
Монахи, поэты и воины –
Поборники отчей земли.

Прощаясь с Отчизною милою,
Стою, озираясь окрест,
И, тайной наполненный силою,
Целую серебряный крест.

Чтоб так же в рассветном свечении
Мерцали церковей купола,
Чтоб Клязьма струила течение
И русской рекою была.

Чтоб слово родное, исконное
Звучало века и века,
И чтоб над землею, как конники,
Крылато неслись облака.

Молюсь, уповаю смиренно я,
Чтоб вовремя час мой настал
И князь мой святой без сомнения
В дружину меня поверстал.

Чтоб мог я, как равный меж равными,
Пополнив небесную рать,
Лететь над землей этой славною,
Незримо её охранять.

2007

СЛОВО О ПОЭТЕ

Александр Кердан – представитель поколения, которое появилось на свет через десятилетие после Великой Победы. Поколение это гордилось отцами и дедами, сражавшимися под Москвой, под Сталинградом, на Курской дуге, braveшими Берлин. И не случайно тогдашние мальчишки после школы стремились поступать в военные училища, конкурс в которые был очень высоким. Поступил в военное училище и юный поэт Александр Кердан. Остался он верен поэзии и надев офицерские погоны. Думаю, только офицер мог так пронзительно сказать о «необъявленных войнах» и «интернациональном долге»: «Он привёз с той войны//Шрам от пули из бура,//Орден дальней страны,//Пару грамот Глав Пура...» или: «Недобрая ратная слава//Неясная сердцу тоска...//Насытилась кровью держава –//С Кавказа уходят войска»... Осмысливая происходящее, Кердан обращается к далёкому прошлому нашей страны. Там ищет он истоки нынешних побед и поражений. При этом важнейшими понятиями для него являются долг и честь – то, на чём всегда держались и будут держаться русская армия и флот.

*Борис ОРЛОВ
(Санкт-Петербург)*

Давно люблю и держу близко к сердцу стихи Александра Кердана. Его поэзия всегда полна чувств, неподдельного лиризма и той нежной грусти, которая возвышает и приподнимает человека, делает его лучше, светлее, добрее. Эти стихи будут жить долго – пока жив наш благодарный читатель, а он – вечен...

*Виктор ПОТАНИН
(Курган)*

В поэзии Александра Кердана Родина – главная лирическая героиня, рыцарское служение которой он почитает своим главным уделом. Каждый читатель может найти в сборниках поэта свои стихи и выстроить свои литературные параллели. Для меня голос Кердана перекликается и с окопной правдой Твардовского и Симонова, и с воспеванием Руси Есениным и Рубцовым, а ещё он пронизан бесконечным теплом, исходящим от Солнца русской поэзии – Александра Пушкина. Принято утверждать, что поэты – небожители. В таком случае, русские поэты – призванные солдаты русского неба... Есть в этом небесном воинстве и русский полковник Александр Кердан.

*Сергей КОЗЛОВ
(Тюмень)*

Александр Кердан – один из активно работающих в литературе авторов, утверждающих своим творчеством принципы мужской чести и дружбы, верности Отечеству и высоким идеалам патриотизма, уважения к родной истории, рыцарского отношения к женщине, и вообще защищающим своим словом всё то доброе, чистое и светлое, что предаётся сегодня либеральными российскими СМИ постоянному поруганию и осмеянию. Его поэзия – это своего рода нравственный кодекс для молодых читателей всей России, в каком бы из её

уголков они ни жили. Его стихи и поэмы способны напитать их духом честности и смелости, научить держать данное слово и нести за него ответ, да и вообще, как говорится, быть в этой жизни «не мальчиком, а мужем»...

Николай ПЕРЕЯСЛОВ
(Москва)

Большие поэты служили в русской армии. Михаил Лермонтов был поручиком, гвардии штабс-ротмистром был Афанасий Фет. Александр Кердан – полковник: и ему просто необходимо теперь добиться огромных высот в поэзии. К тому, я думаю, у него есть все основания...

Николай НИКОНОВ
(Екатеринбург)

Размышляя над творчеством Александра Кердана – человека, пережившего немало испытаний и резких перемен судьбы: профессиональный офицер, командовавший большим воинским подразделением, военный журналист и педагог, учёный-философ, автор многих книг стихов и прозы, ныне возглавляющий одно из крупнейших писательских объединений страны, – понимаешь, насколько прав Александр Блок, давший определение пути настоящего художника. К судьбе и творчеству Александра Кердана это утверждение вполне приложимо: «Трилогия вочеловечивания» (от мгновения слишком яркого света – через необходимый болотистый лес – к отчаянию, проклятиям, «возмездию» и... – рождению человека «общественного», художника, мужественно глядящего в лицо миру, получившего право изучать формы, сдержанно испытывать годный и негодный материал, вглядываться в контуры «добра и зла» – ценою утраты части души)».

Лола ЗВОНАРЁВА
(Москва)

Как справедливо и метко сказано о Кердане, вся его жизнь – это рыцарское служение прекрасным Дамам: Матери, Армии, Литературе, России и Возлюбленной... Особенно убедительным мне кажется его стихотворение «Валенки». Оно раскрывает уникальную способность автора не только одухотворить бытовой предмет (в данном случае несущий знаковый и национальный смысл), но и достоверно показать суровую, жестокую эпоху. Я в очередной раз был приятно поражён его стилем, а стиль – это человек, как говорил французский писатель Буало. Александр Кердан верен своему стилю и неизменно остаётся самим собой, естественно вписываясь в одно из достойных направлений современной российской поэзии, сохраняя преемственность с лучшими классическими традициями русской литературы.

Рене ГЕРРА
(Ницца)

Стихи Кердана восхищают своей искренностью, музыкальностью. Они просто по-есенински «текут»... Очень нравятся его мудрые переводы реликто-

вых народов – ханты и манси. Мудрость народная равного не имеет и требует к себе именно такого, вдумчивого и бережного подхода...

*Владимир ИЛЛЯШЕВИЧ
(Таллинн)*

Поэт, как сын гармонии, во все времена остаётся человеком, различающим вещи по их истинным именам, распознающим смысл происходящего. Особенно непросто сегодня тем поэтам, кто по воле судьбы носит на плечах погоны. Да и как им быть, коль с некоторых пор не только их, но и всё общество пытаются убедить в том, что воинская служба – «непопулярна», а патриотизм – чувство «низкое», то есть дело их жизни якобы гроша ломаного не стоит... И надо иметь большую силу воли и гражданское мужество, чтобы противостоять этому недоброму наваждению. Александр Кердан этими качествами обладает. Давно знаю его творчество и рад каждой новой встрече с подлинным поэтом... Конечно, порой стихи Кердана читать тяжело и даже больно, ибо это жёсткие рифмы. Видно так реагирует живая человеческая душа на происходящее в нашем разворошённом мире. Но это честные стихи, потому они и западают в душу.

*Пётр ТКАЧЕНКО
(Москва)*

Стихи Александра Кердана пронзительны, своеобразны, искренни и светлы, я бы сказал, несмотря ни на что! Это, слава Богу, совершенно русская, настоящая поэзия...

*Геннадий ПОПОВ
(Орёл)*

Мне, прозаику, писать про поэзию трудно: ничего я не понимаю в стихах. И в силу этого непонимания оценки мои до предела просты: «не нравится» или «нравится». Стараюсь вообще не давать оценок, чтобы не сесть в лужу, но вот сейчас, собравшись с духом, я заявляю со всей категоричностью: СТИХИ АЛЕКСАНДРА КЕРДАНА МНЕ НРАВЯТСЯ. Нравятся с давних пор своей чёткостью, ясностью слога и мысли. И тем, что, как говорится, «берут за душу». Причём всякие стихи: про армейскую службу, испытанную, увиденную «изнутри» и лишённую парадного барабанного боя; про нашу Россию с её нелёгкой судьбой; про маму, чья судьба похожа на судьбу России; про забавную, мудрую и добрую бабу Ягу; про товарищей; про непростые размышления о смерти и жизни. И, конечно, про любовь. Вот, например: «Выдумывать изящные слова// И выпускать на лист бумаги белой//Мне б показалось непосильным делом.// Но в каждой букве ты, любовь, жива». А она и вправду жива, значит, никуда не денешься и поэт, приговорён свершать свое непосильное дело. Бывает, что замотанный писательскими (и неписательскими) трудами, валюсь на диван и беру с диванной спинки томик Саши Кердана. Саша пишет замечательные стихи и читает их замечательно. И пробегая строчку за строчкой, я как бы слышу Сашин голос. Мне хочется, чтобы читатели этой книги тоже услышали

голос моего друга за строчками, которые заставляют человека то улыбнуться, то вдруг удивиться: надо же, как защемило сердце...

*Владислав КРАПИВИН
(Екатеринбург)*

Горжусь, что Александр Кердан, один из ярких современных поэтов России, является моим другом, членом редакционной коллегии еженедельника «Русская Америка», издающегося в США, и лауреатом премии «Лучший автор года». Конечно, эта премия очень скромна по сравнению с другими, которыми он обладает. Но лучшая награда любому автору – признание читателей. Стихи Александра Кердана, опубликованные в нашем еженедельнике, стали для поклонников поэзии поистине родными и любимыми. Надеюсь, что новый поэтический сборник этого замечательного поэта будет переиздан в Соединенных Штатах, где проживают более восьми миллионов русскоязычных американцев, для которых русская литература является неотъемлемой частью души и сердца.

*Аркадий МАР
(Нью-Йорк)*

Удивительное дело! В стихах Александра Кердана нахожу всё то, что и мне дорого, и мной любимо, всё то, что болит в его сердце – тихой болью отзывается и во мне. Даже есть чудесные совпадения в названиях стихотворений, в метафорической перекличке, говорящие о том, что русские поэты близки друг другу сердечно, связаны одной судьбой, одной любовью к единственной Отчизне. Мне нравится его народная жизненная философия, идущая от глубинных национальных корней и та историческая правда жизни, которую он впитал с молоком матери. Мне интересно путешествовать по его стихотворным сборникам, по сюжетам его произведений, стоять у водопада, «Глядеть, как падает вода // Из ниоткуда в никуда...», бродить по городу Владимиру, мечтать о том, «Чтоб так же в рассветном свечении // Мерцали церковью купола, // Чтоб Клязьма струила течение // И русской рекою была...», смотреть в Крыму на то, «Как солнце раскаляет листьев медь, // А вечер им подарит цвет латуни...» или вместе с ним оказаться на распутье, любоваться двумя удивительно красивыми женщинами – матерью и дочерью, с лёгкой иронией рассуждая: «Быть, в самом деле хорошо // На зыбком рубеже, // Где мамам нравишься ещё // И дочкам их уже...» Но самое главное то, что Александр Кердан не только является центром своей Вселенной, средоточьем своих начинаний и возможностей, он ещё – желанный устроитель многочисленных дел, назначенных ему судьбой и временем, где он, и вправду, всё может и до всего успевает достигнуть. Он постоянно находится в сердцевине русского сознания и воплощается в родном Отечестве, которому неизбежно предан напряжённым трудом и многогранным творчеством.

*Владимир СКИФ
(Иркутск)*

Творчество Александра Кердана отличает умная, чуткая позиция автора, значит, и его образ. А это, по-моему, всегда – главное: образ автора, да и сделано это так хорошо в литературном смысле, что уже не кажется литературой – кажется жизнью...

Виктор ВЕРСТАКОВ
(Москва)

Александр Кердан – из тех людей, о которых одним словом не сказать. Они каждое мгновение меняются. Но они каждое мгновение неизменны. Этим людям надо просто чувствовать. Эти люди сродни мамелюкам. А мамелюк – это человек, оторванный от одного мира и поселённый в другой мир. Можно сказать, да ведь каждый поэт – мамелюк! Но нет. Мамелюк – это ещё и вечная, непреходящая боль. И мамелюк – это ещё и вечное сокрытие боли. Кто чувствует вот это: «Офицерский роман до конца и с Россией...»? Кто-то чувствует, а кто-то не чувствует. Саша – редкое соединение поэта и друга. Вообще поэтом может быть всякий. Дар литератора не сопряжён с даром быть другом. Если смотреть на поэзию как только на филологические упражнения, тогда – да, тогда быть поэтом может научиться всякий. Но быть другом – это от Бога. И быть поэтом и другом – это тем более от Бога. Это – явление. Александр Кердан – это явление.

Арсен ТИТОВ
(Екатеринбург)

Пишущих – много, писателей – единицы. Бог одарил Александра Кердана энергией Слова, способной увлечь и повести за собой читателя к Истине, Добру и Красоте. Я горжусь дружбой с ним.

Константин СКВОРЦОВ
(Москва)

Исповедующие честь и мужество стихи Александра Кердана, полные силы и экспрессии, по праву принадлежат к тому, чем может гордиться Россия и на что она вправе опираться в своём пути к новым победам.

Светлана СЫРНЕВА
(Киров)

Искренне рад тому, что Александр Борисович Кердан встречает свой юбилей в расцвете сил и творчества и благодарен ему за совместную работу по защите главных ценностей русской поэзии.

Владимир КОСТРОВ
(Москва)

Мои российские друзья познакомили меня с поэзией Александра Кердана. Позже я прочитал его стихи в переводе на итальянский и снова отметил для себя их музыкальность, готовность стать песней. Возможно, однажды такая песня на его стихи появится и в моём репертуаре.

Тото КУТУНЬО
(Милан)

Известно, что все мы, люди пишущие, в той или иной степени графоманы. Но от настоящих-то субъектов этого славного и весьма населённого племени истинно пишущего можно отличить по той нужде, которая заставила его взяться за перо. Нужде духовной, прежде всего, не только помыслами разума и сердца вызванной, но чем-то большим, что живёт в заповедных глубинах существа человеческого, души его – и над ним, над всем сущим. «Тревожимся всё больше о земном, //А строчки сами пишутся о горнем...» Эту нужду сразу видишь и узнаёшь в стихах, в поэзии Александра Кердана. Она, неотложная и повелительная, и диктует, маясь заставляет в поисках того единственно-го каждый раз, край как необходимого Слова, и парит над рукописью охранительным покровом, не позволяя прорваться в неё неискренности, фальши, подмене глубоко выстрадавшего чувства благоприобретённой мастеровитостью. В лирической исповедальности его стихов всегда чувствуется волевое, мужское начало: «То, чем душа твоя богата, //Что в сердце есть – //Простое звание солдата, //Любовь и честь». Это то, что завещано нам Твардовским: «сказать, что я хочу, и так, как я хочу...» Как основа авторской суверенности, индивидуальности, неотъемлемое право на личностное не то что мнение, а именно мировоззрение, мировидение. И, смею сказать, эта настоятельная художническая необходимость может подчас даже идти вперекор внешней эстетике стиха, той самой мастеровитости, и это иногда может заметить взыскательный читатель – но никак не в ущерб искренности, за что и люблю я Александра как поэта и как человека.

*Пётр КРАСНОВ
(Оренбург)*

Как писал Александр Межиров «До тридцати – поэтом быть почётно, и срам крошечный – после тридцати». Правда, и сам великий фронтовик до последнего вздоха оставался поэтом, даже отлучённый от Родины, через океан по телефону диктовал стихи для документальных фильмов Александра Строева. Честно, по-фронтовому. Где и «Коммунисты вперёд», и «Артиллерия бьёт по своим». Так и Александр Кердан сегодня честно говорит о разных ипостасях нашей сложной, но великой истории, о своей судьбе.

*Александр ЧИСТЯКОВ
(Москва)*

Александр Кердан – незаурядный поэт, один из лучших современных поэтов. Его лирика откровенна, ярко индивидуальна, стихи о любви чисты, задушевные, правдивы. Философские раздумья о жизни, о родине говорят о серьёзном осмыслении нашего раскалённого мира. Он чётко и смело проводит грань между добром и злом. Он всегда на стороне света. Он – русский офицер, а это в нашей поэзии многое значит. И он – один из немногих в творчестве – несдающийся романтик. Всем этим и близок, и дорог мне.

*Николай РАЧКОВ
(Тосно)*

Офицер, полковник, учёный, двадцать семь лет, самых крепких и храбрых, честно и работяще поэт отдал Отечеству. Грустил, радовался. Шёл, ошибался, сомневался, утверждался и продолжал благородный путь. Хозяйскую сноровку и неугомонную человечность в стихах Александра Кердана я сравниваю в хозяйской сноровкой и неугомонной человечностью в стихах Бориса Ручьёва: очень похожи, очень родственны! Со всей ответственностью заявляю: Александр Кердан – русский офицер! Александр Кердан – русский поэт!

Валентин СОРОКИН
(Москва)

Открывая избранные стихотворения Александра Кердана, мы, по сути, открываем книгу его жизни, где поэтическое в полной мере выполняет свою охранительную задачу. Русский офицер, русский поэт, лидер литературного движения Урала, Поволжья и Сибири, объединивший разрозненные писательские организации в самый сложный и опасный для современной словесности период, Александр Кердан верен себе и в большом, и в малом. Верен себе – это значит, верен слову, верен служению. В шаткие времена, когда жизнь человеческую срывает со всех якорей, когда кто-то ищет опору для души, а кто-то строит жалкую броню бытового благополучия, поэт выбирает в спутники слово – и идёт с ним через всю жизнь, обретая память и опыт – и ни в чём не изменяя главному служению в его честной, искренней простоте и чистоте.

Нина ЯГОДИНЦЕВА
(Челябинск)

Стихи Александра Кердана удивительным образом совпадают с его личностью. В них нашла отражение его воинская судьба, которая, подобно судьбе всякого настоящего бойца, требует многих достоинств, а часто и самоотречения. Стихи Кердана и даруются читателям, как своего рода призыв жить по такому же образу, и незаметно для человека поднимают его дух и побуждают к одухотворённому действию. Мне кажется, это – главное предназначение истинной поэзии.

Альберт ЛИХАНОВ
(Москва)

ОБ АВТОРЕ

Александр Борисович Кердан родился 11 января 1957 года в городе Коркино Челябинской области. Окончил Курганское высшее военно-политическое авиационное училище, педагогический факультет военно-политической академии и адъюнктуру военного университета в Москве. В 1996 году защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата философских наук: «Искусство в системе средств формирования чести офицера Вооружённых Сил России», в 2007 – диссертацию на соискание учёной степени доктора культурологии: «Социальная престижность государственной службы в России: культурологический анализ (на примере становления офицерской чести)».

Двадцать семь лет прослужил в Советской и Российской армии в качестве политработника, преподавателя военного вуза и военного журналиста (центральные журналы Министерства Обороны РФ: «Честь имею», «Воин России», «Ориентир»). Вышел в запас в 2001 году в звании полковника.

Первые стихи опубликовал в 1975 году в коркинской городской газете «Горняцкая правда», в газете Краснознамённого Уральского военного округа «Красный боец», в курганской и кировской областных молодёжных газетах «Молодой ленинец» и «Комсомольское племья». В дальнейшем публиковался в журналах «Аврора», «Москва», «Воин России», «Наш современник», «Родная Ладога», «Балтика», «Урал», «Уральский следопыт», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «День и Ночь», «Славянин», «Брега Тавриды», в альманахах «Истоки», «День поэзии», «Московский вестник», в роман-журнале для школьников «Путеводная звезда», в «Литературной газете», «Российском писателе», в «Красной звезде», в международном еженедельнике «Русская Америка» и других российских и зарубежных изданиях.

Первый поэтический сборник Александра Кердана «Наследство» вышел в свет в «Воениздате» в 1990 году. Сегодня он автор 60 книг стихов и прозы, вышедших в России, Азербайджане и США. Его произведения в разные годы переводились на английский, немецкий, итальянский, болгарский, белорусский, хантыйский, якутский, коми, азербайджанский, башкирский и татарский языки. На стихи Кердана С. Сиротинным, А. Пантыкиным, Е. Щекалёвым и другими композиторами написано более 150 песен, вошедших в репертуары Уральского государственного академического народного хора, муниципальных хоров «Доместик» и «Октоих», армейских музыкальных ансамблей и таких известных исполнителей как С. Комаричева, Л. Серебренников, В. Топорков, Я. Чабан, Ю. Яковлев.

Александр Кердан – сопредседатель Союза писателей России, лауреат Большой литературной премии России, международных и всероссийских литературных премий, конкурсов и фестивалей патриотической песни, телевизионного конкурса «Романс. XXI век».

Награждён орденом Дружбы и медалями, знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть» и ценными подарками Министра Обороны СССР. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Почётный гражданин города Коркино и Почётный профессор Уральского института бизнеса имени И. А. Ильина. Решением Собрания депутатов Коркинского муниципального района № 154 от 22 февраля 2017 года Коркинской Межпоселенческой центральной библиотеке присвоено имя Александра Кердана.

Живёт в Екатеринбурге.

СОДЕРЖАНИЕ

Солдат обыкновенный...

Баллада о сыновьях	3
Рядовой	4
«Шло партийное собрание...»	5
Его университеты	6
Муравей	7
Солдатик	8
«В только что захваченной траншее...»	9
Бабушка Аня	10
Поединок (<i>рассказ попутчика</i>)	11
«Под Ленинградом уцелел...»	12
Орден	13
Победитель	14
«Живым – живое. Павшим – третий тост...»	15
«Был сорок первый год и сорок пятый...»	16
Последний бой	17
Неотложка	18
Ветеран	19
«Вижу цель как на ладони...»	20
Война (<i>из поэмы «Сибирский тракт</i>)	21
Атака	22
Партизанская берёза	23
Урок	24
«Ждала с войны...»	25
Василию Ивановичу	26
У картины К. Васильева «Ожиданье»	27
Незабудки	28
Память	29
Маменькин сынок	30
Накануне Дня Победы	31
Старый солдат	32
На смерть дяди Пети	33
У памятника Жукову в Екатеринбурге	34
Я ушёл на военную дорогу (<i>из Марии Вагатовой</i>)	35
Солдат из камня (<i>из Марии Вагатовой</i>)	36
«Есть у победы правота отмщенья...»	38
Красный командир	39
Пока живём	40
Девятое мая шестьдесят пятого	41

К новым европейцам	43
В рядах «Бессмертного полка»	44
У памятной доски Станцеву	46
Последний комиссар. <i>Поэма лирических отступлений</i>	47

Он привёз с той войны...

Тамада	62
Монолог лейтенанта в гостинице «Интурист»	63
В новогоднюю ночь	64
Однокашник	65
Последнее право	66
Невозвращенец	67
Взгляд из Союза	69
«Мы сидели в тумане...»	70
«Я болел афганской желтухой...»	71
Без названия	72
«Кривую судьбы на кобыле хромой не объедешь...»	74
«Недобрая ратная слава...»	75
«Небо, как десантная тельняшка...»	76
Истмат	77
Майдан	78
И памятник низвергли с пьедестала	79
«Мимо хуторов Диканьки дедовой...»	80
«Мы шагаем как по минам...»	81
«Летний зной уральских городков...»	82
Комсомольскому другу	83
Новороссия	84
На третьей мировой	85
Монолог снайпера Кати	86
Два стихотворения	87
Пятнадцатое февраля	89
Уехать из Москвы	90
«От войны, как от сумы...»	91
«Скажите откуда...»	92
Старые фотографии	93
Третий гост	94
Из своего окопа	95
«Война вокруг весь век кружит...»	97
Третий столбец	98
«В нашем дворе, где «хрущобы» стоят с трёх сторон...»	99

Судьбы моей военной эшелон

Казарма	101
«Судьбы моей военной эшелон...»	102
Солдатская наука	103
Песня о полевой кухне	104
В июле	105
На училищном плацу	106
Стрела и песня	108
«Я матери его сказал два слова...»	109
«Справа – рыжие стога...»	110
«Дом с красной крышей...»	111
Авиаторы	112
Взлётная полоса	113
«Только день прошёл...»	114
Командировка	115
Двое	116
После холодной войны	117
Автопортрет	118
Читая классиков	119
Правофланговый	120
Зов	121
К разговору о долге	122
Русские офицеры	123
Дуэль	124
Командор	125
Гимн Центрального военного округа	126
«Своей эпохой я гордился...»	127
Прописная истина	128
День ВДВ	129
«Зовут в командировку на войну...»	130
30 декабря	131
Вертухай	132
Девятнадцатое ноября	133
Тревога	134
Ристалище	135
«Смирившись с тем, что ты не гений...»	136
23 февраля	137
Портрет	138
Фрагмент	139
«Наивная старость меня караулит...»	140
«Живу у края омской взлётки...»	141
«Спасибо армии моей...»	142

Без музы	143
«Ещё одна зима минула...»	144
Офицерский роман	145

Прощание славянки

Славянки	146
«Милая родина...»	147
Клеветникам России	148
Новый филологический эскерсис	149
«Я видел кладбище берёз...»	150
«Говорят, что страна, та, которой давал я присягу...»	152
Наш Герб	153
«Родина – центр бытия...»	154
«Задавал истории вопросы...»	155
Перед битвой	156
Чердынь	157
Дуб в Калуге	158
Ледантю	159
Берестяная грамота	160
Девичье поле	161
Бабушкин вальс	162
Отцы и внуки	163
Зона	164
Валенки	165
Тридцать седьмой	166
Русская метаморфоза	167
Триптих о русской деревне	168
«В России нет свободы, только – воля...»	170
«Ожидаем прихода мессии...»	171
За Кольцевой	172
Екатеринбург	173
ОМОН на Манежной	174
Марш дождевых червей	175
Исповедь патриота	176
«Я многое могу простить, понять...»	177
«Пусть не рай – родная сторона...»	178
Памяти В. Распутина	179
Урал	180
К разговору о Родине	181
«А берёзки – как побелены стоят...»	182
Сыновнее	183
Азия	184

Моя Россия	185
Ах ты, песня русская	186
Алёнушка	188
На Южном Урале	189
День независимости	190
Снегирь	191
В горном краю	192
Хрестоматийное	193
«Когда я буду подводить итоги...»	194
«Сквозь ушко акведука продёрнута нитка шоссе...»	195
После взрыва	196
«Я был бы вправду одинок...»	197
Первопроходцы	198
На Аляске	199
Утро в Тобольске	200
«Я люблю окраины России...»	201
Пейзаж	202
Магнитка	203
Отповедь	204
Почти по Горчакову	205
Новый Муромец	206
«Обещался улечься на рельсы...»	207
«Суздаль древний, православный...»	208
У могилы Сталину	209
Давнее воспоминание	211
Почти по Твардовскому	212
День России	213
«Запах южной ночи – из окна...»	214
«Осень начальная, ранняя...»	216
Секрет	217
Родимые пятна	218
Царская фамилия. <i>Будничная повесть</i>	219
В год спасения русского языка	241
«Когда сойдёт июльская жара...»	242
Две реки	243
Русское небо	244
«Что будет с Россией – не знаю...»	245
Во Владимире	246
Слово о поэте	247
Об авторе	254

Литературно-художественное издание

Кердан Александр Борисович

В СТРОЮ БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА...

Стихотворения и поэмы

Редактор А. Б. Титов

Корректор Я. К. Чабан

Верстка и подготовка к печати С. В. Шангина

При оформлении книги использована
репродукция картины К. Васильева «Прощание славянки».

ООО «Издательство «АсПУр»

620075, г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12.

Тел.: (343)371-12-06

E-mail: aspurizdat@mail.ru

ЛП № 369 от 15.12.2008 г.

Подписано в печать 11.06.2018. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «CharterС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 25,11 . Тираж 1000 экз. Заказ № 13729.

Отпечатано в ОАО «Режевская типография»

623750, г. Реж Свердловской обл.,

ул. Красноармейская, 22